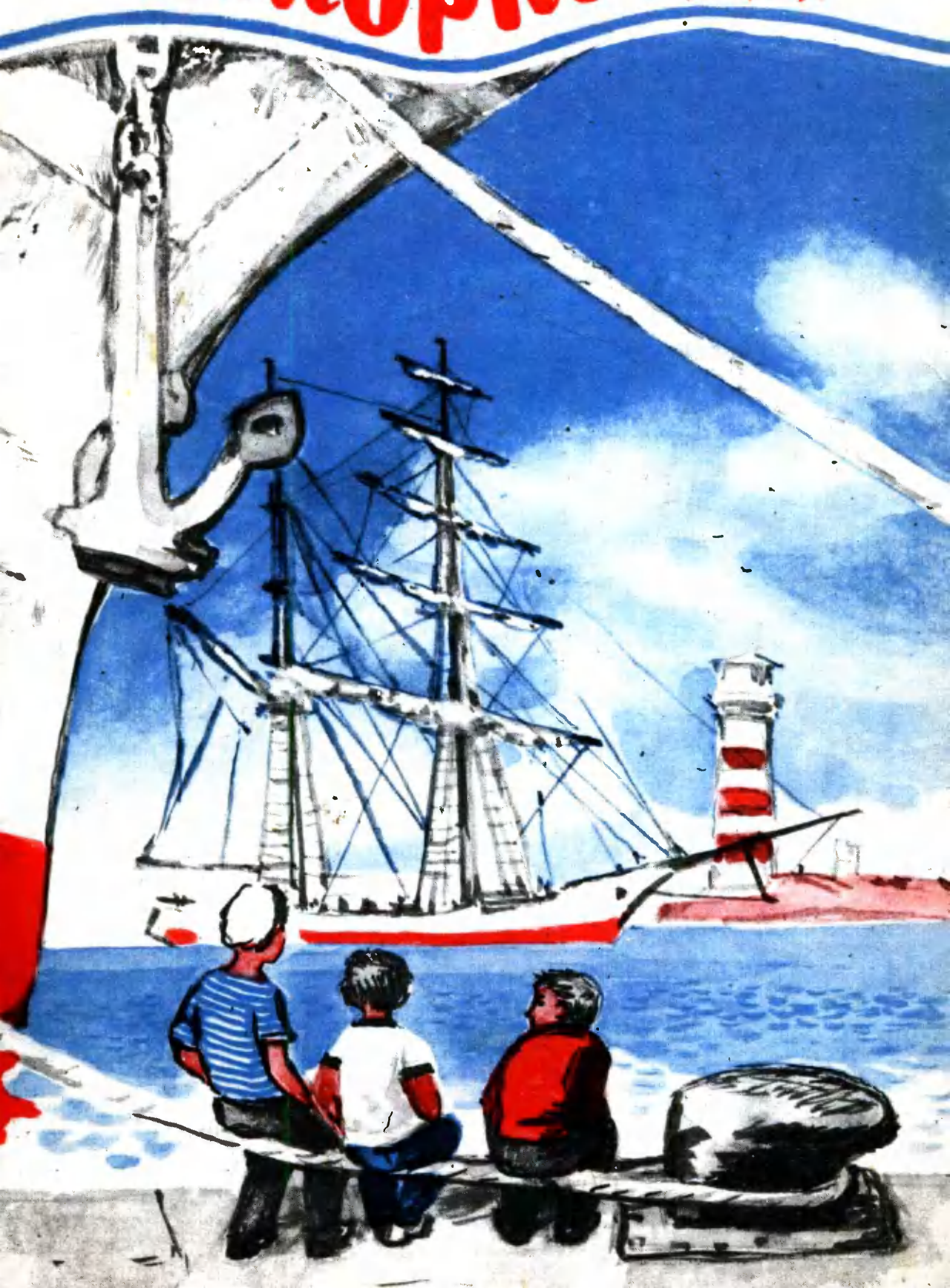
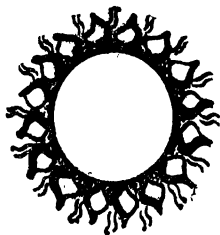

Искорка

Мих. САДОВСКИЙ

ЕЖЕМЕСЯЧНИК

газеты
«Ленинские
искорки» —
отдел
Ленинградского
Обкома и
Горкома
ВЛКСМ,
Ленинградского
Совета
пионерской
организации
имени
В.И.Ленина

ИЮЛЬ • 1971

год издания XV

песенка о песенке

Присев на склон оврага,
Спросил я у ручья:
— О чём, ручей-бродяга,
Песенка твоя? —
Теченья не замедля,
Ручей ответил мне:
— Я начал петь с апреля
О солнце и весне. —
Взобравшись на вершину,
Спросил у ветра я:
— О чём в дороге длинной
Песенка твоя?
На миг унялся ветер
И мне шепнуть успел,
Что много есть на свете
У ветра добрых дел!
Попаив под ливень синий,
Спросил я у дождя:
— О чём же, дождик сильный,
Песенка твоя?
— О том, чтоб колос каждый
Налился, не зачах,
Чтоб не горела жажда
На высохших губах. —
И в путь отправясь длинный,
С собой взял песню я —
Один куплет у ливня,
У ветра, у ручья!
И улыбалось солнце,
И пело всё вокруг,
И был понятен сердцу
Счастливый каждый звук!

Рис. П. Вискова

ДРУЗЬЯМИ пионеров двадцатых годов были многие замечательные деятели мирового коммунистического движения: Клара Цеткин, Эрнст Тельман, Марсель Нашен, Пальмиро Тольятти. Подружили их с пионерами старые большевики-ленинцы, работавшие в Коминтерне, МОПРе, Спортинтерне: Д. З. Мануильский, О. А. Пятницкий, Е. Д. Стасова, Н. И. Подвойский.

О тех первых встречах с коммунистами разных стран и рассказывает сын Н. И. Подвойского Лев Николаевич Подвойский — пионер с 1922 года до наших дней.

Л. ПОДВОЙСКИЙ

— Ленин поправляется! Ленину лучше! — прямо с порога воскликнула мама.

Она, всегда такая аккуратная, не сняла у двери старенькие ботинки на пуговках и прошла через всю комнату к папиному письменному столу.

— Лида, Нина, Лёва, Габди и Кадыр, скорее сюда! — позвала она. — Посмотрите, что я принесла!

Все, конечно, подбежали к столу. Вся семья, все дети: трое своих и двое приёмных: чуваш Габди и татарчонок Кадыр. Родители приютили их во время голода в Поволжье в 1921 году. Папа называл нашу семью «детский интернационал».

Для полного семейного сбора не хватало только старшей сестры комсомолки Олеси и самой маленькой Маечки. Мама так топилась, что не зашла за ней по дороге в ясли. Из старенького портфеля она вынула и положила на стол третий номер журнала «Юный строитель» за 1923 год. От него приятно пахло типографской краской.

На обложке журнала было помещено раскрашенное фото (тогда ещё не было цветной фотографии) кудрявого светлоголового мальчика с большим лбом и румяными полными щеками. На нас он смотрел как-то очень лу-

каво, весёлыми умными глазами.

— Какой хороший мальчик! Кудрявый! — Захлопала в ладоши маленькая Нина. — Кто это?

— Ленин в возрасте трёх лет, — прочитала мама надпись под фото.

Нина тут же удивилась:

— Разве дедушка Ленин тоже был маленький?

Тогда, в сентябре 1923 года, в детских садиках, куда ходила Нина и Кадыр, и во всех пионерских отрядах писали «дедушке Ленину» письма с просьбой скорее поправиться.

— Пусть маленький Ленин будет мой! — захныкала Нина.

— Нет, общий! — заспорил Габди.

— Давайте сделаем Ленинский уголок, — предложил я как старший и единственный пока в семье пионер.

Такие Ленинские уголки в 1923 году пионеры устраивали в своих домах. Когда Ленин заболел, в журналах стали печатать его фотографии.

На первой Сельскохозяйственной выставке в Москве, у Крымского моста (там, где теперь Парк культуры и отдыха имени Горького), был сделан даже первый в мире цветочный портрет Ильича.

— Из цветов Ленин как живой, — восхищался мой долговязый пионерский друг Женька Трусевич.

С помощью мамы — она работала в только что созданном институте Ленина при ЦК РКП(б) и часто приносила фотокопии материалов о Владимире Ильиче — Ленинский уголок в нашей комнате получился интересный. Все, кто приходил к нам, смотрели и хвалили.

Летом 1924 года из Коминтерна к папе часто приходили иностранные коммунисты. И однажды неугомонный, черноволосый, молодой и весёлый итальянец Эрколли (через много лет мы узнали его настоящую фамилию — Тольятти) привёл к нам товарища Хосе из Южной Америки.

— Он прямо с корабля попал на конгресс Коминтерна, — сообщил Эрколли.

До встречи с товарищем Хосе я думал, что все жители Южной Америки высокие и краснокожие, как индейцы. Хосе (настоящего его имени никто не называл), приехавший в Москву нелегально, был небольшого роста, смуглый, — такой, как жители Крыма.

Папа показал гостям наш Ленинский уголок. Хосе увидел «Ленина трёх лет» и — замер... Даже руку не успел опустить.

— Комарад Ленин? Чакита Ленин? — удивлённо спросил он и горячо заговорил по-испански, энергично размахивая руками.

Эрколли тут же переводил его речь на немецкий, а папа, уже с немецкого, — на русский. Впервые слышал я подобный «тройной перевод».

— Так часто делают и на конгрессе Коминтерна, — пояснила мама.

— Хосе целый год плыл с острова Куба по трём океанам, чтобы увидеть Ленина, — переводил папа. — Он нанимался мат-

росом на разные пароходы и паровые шхуны. Когда началось путешествие, Ленин поправлялся. Теперь Ленина нет. Хосе видел в Москве много фотографий Ленина. Но их нельзя увезти на Кубу. Сейчас же посадят в тюрьму. «Ленина трёх лет» не задержат никакие таможи. Его не узнает ни одна полицейская собака. Дайте Хосе, пожалуйста, маленького Ленина на Кубу!

Конечно, мы отдали вырезанную из журнала «Юный строитель» редкую тогда фотографию Ильича в детстве. Позже она печаталась на открытках и выпускалась в виде литографии. Потом появились в продаже значки и, наконец, «Ленин трёх лет» занял своё место на октябрятской звёздочке.

Милым пионерским другом запомнился мне с двадцатых годов молодой итальянский коммунист Эрколли. Как почётного пионерского дедушку помнит его и мой сын Глеб — артековец шестидесятых годов. А дожил ли до преклонных лет кубинец товарищ Хосе? Не знаю, не ведаю. Но «Ленин трёх лет» доплыл до Кубы. Это факт.

Я видел знакомую фотографию с обложки старого пионерского журнала в простой крестьянской хижине на небольшом острове Пинос. Он находится в Карибском море, в нескольких десятках километров от большого острова Куба, и входит в состав Республики Кубы.

Мы прилетели сюда летом 1961 года из Гаваны по приглашению школы имени знаменитого кубинского революционера Хосе Марти.

На аэродроме нас встретил бородастый вожатый лет восемнадцати отроду, с тяжёлым кольцом на поясе-патронташе.

— Салют, команеро! Я Хосе, — представился он, садясь за руль зелёного «ГАЗ-69». Эти наши машины, ласково прозван-

ные «козликами», очень полюбились кубинцам.

— Рус «ГАЗ» — да! Американ «Виллис» — но! — восклицал Хосе, похлопывая советскую машину по борту, словно друга по плечу.

Он повёз нас к себе домой. «ГАЗ-69» с трудом поднимался по крутой каменистой горной дороге. Но юный кубинец продолжал горячо говорить и, часто отрываясь от руля, размахивал руками. Он повторил нам несколько раз, что на Кубе объявлен «год просвещения» — массовый поход по ликвидации неграмотности.

— Как в России при Ленине. Да, команеро? — спрашивал Хосе.

В бедной маленькой хижине, притулившейся к скале, как сакля на Кавказе, мы застали отца Хосе — пожилого крестьянина-бедняка, с худым морщинистым лицом. Он угостил нас необыкновенно нежными плодами манго, пахнувшими йодом. Запивали мы фрукты ледяным козьим молоком.

Приглядевшись в полумраке, я обратил внимание на приклеенную к стене хижины выцветшую обложку старого журнала.

— Так ведь это «Юный строитель» за 1923 год! «Ленин трёх лет»! — удивлённо воскликнул я.

— Портрет повесил сюда мой дедушка, — сказал молодой Хосе. — Давным-давно. Он стал коммунистом в 1925 году.

— Плавал ли дедушка Хосе в Россию на конгресс Коминтерна? — спросил я отца молодого Хосе.

— Не знаю, синьор. Я тогда был маленьким, — ответил старик. — Я ваш ровесник, синьор.

К вечеру, когда спала жара, мы спустились в школу. Она располагалась на открытой веранде среди высоких, бывших, как сказал Хосе, королевских пальм.

Услышав шум мотора, школьники прекратили работу на плантации народного кооператива,

где под пышными бананами в земле, как репа, росли ананасы. Со всех ног мчались они нам навстречу, надевая на ходу пионерские красные шапочки и галстуки, очень похожие на национальный флаг: синий, белый, с красным треугольником-защепкой.

— Вива Ленин! Вива советик! — дружно приветствовали нас пионеры и махали красными шапочками. — Родина или смерть!

Ко мне подошли две маленькие девочки: одна чёрная — мулаточка и вторая белая — испаночка и взяли за руки. Одна за палец на левой руке, другая за палец на правой. Так и привели меня на веранду, к столу.

— Говорите, команеро! — предложил вожатый Хосе.

Я рассказывал кубинским ребятам историю фотографии «Ленин трёх лет». Девочки крепко держали меня за руки. Я чувствовал себя прикованным, словно древний Прометей.

— Пожалуйста, — попросил я вожатого, — скажите девочкам, пусть они меня отпустят. Мне говорить неудобно.

— Ничего не выйдет, команеро! — ответил он. — Дело в том, что до вашего приезда в школе было собрание. Два часа голосовали, кому держать советского человека за руку. Выбрали этих двух девочек. Теперь как угодно им грозите, хоть в море на съедение акулам бросьте, всё равно вас не отпустят. Они выполняют свой общественный долг...

Так до конца встречи девочки и держали меня за руки. Даже когда мы пели «Интернационал» — все на испанском, я на русском языке, — они не отпускали меня.

Я оставил на память этим девочкам октябратские звёздочки, привезённые из Москвы. Девочки поцеловали их, прижали к сердцу и прошептали, как клятву:

— Вива гран-папа * Ленин!
«Дети всегда будут звать его
«дедушка Ленин», как мы, пионе-
ры двадцатых годов», — подумал

я на острове Пинос в Карибском
море, в двенадцати тысячах ки-
лометров от Родины.

Весной 1925 года я
перешёл из отряда
«Реввоенсовета» № 15
Хамовнического райо-
на Москвы в отряд
«ЦК» № 116 Замос-
кворецкого района.

Отряды тогда орга-
низовывались не при
школах, а по клубам,
по месту работы ро-
дителей. Отец с воен-
ной службы перешёл
на партийную работу.
На XIII съезде партии его избра-
ли членом ЦКК. В газете «Прав-
да» я прочитал, что членами ЦКК
были избраны многие наши по-
чётные пионеры: Н. К. Крупская,
Е. М. Ярославский, А. М. Стопа-
ни, Р. С. Землячка...

К моему удивлению, клуб со-
трудников ЦК и ЦКК ВКП(б) рас-
полагался в подвале. «Мы опять
в подполье, только теперь не на
окраине, а в центре города», —
шутили старые большевики-под-
польщики.

Центр Москвы назывался по-
старому, дореволюционному —
Китай-городом. Его окружала
стена, как Кремлёвская, только
белая. Остатки её ещё и сейчас
видны на площади Революции,
за памятником Карлу Марксу. В
центре, как везде в Москве, мо-
стовые оставались ещё булыж-
ными. По ним грохотали телеги
ломовых извозчиков, слышались
оклики лихачей: «Эй, берегись!»

С наступлением весны в цент-
ре начинали асфальтировать ули-
цы. Вдоль китай-городской стены
стояли большие котлы для варки
асфальта. В холодные ночи сюда
забирались спать беспризорники.
Весной они возвращались с юга,
как перелётные птицы.

* Дедушка.

Автомобили даже в
центре встречались
редко. Но к клубу ЦК
по революционным
праздникам машин
подъезжало много.
Сюда собирались на
вечера ответственные
коммунисты. Пионеры
отряда «ЦК» хорошо
знали их в лицо.

— Мы самые сча-
стливые дети на све-
те! — сказала мне во

время знакомства румяная и
круглая, как яблоко, октябрёнок
Муха. Меня назначили к ним во-
жатым октябрятской группы.

— Почему? — удивился я.

— Мы всех вождей револю-
ции знаем! — низким и торжест-
венным голосом объявила Муха и
лукаво поморгала длинными чёр-
ными ресницами.

— И даже из разных стран, —
поддакнула ей худенькая Мышка
с тонкой, как хвостик, косичкой.

— У нас Робка Поговский
вместе с дедушкой Лениным да-
же из Швейцарии в запломбиро-
ванном вагоне через Германию
ехал, — похвасталась Муха.

Мышкой и Мухой девочек
прозвали мамы. Девчушки были
забавные, и их любили не только
все в отряде, но, пожалуй, доб-
рая половина ответственных ком-
мунистов, посещавших наш клуб.

Говорили, что малышек в пер-
вый раз в клуб привели 7 ноября
1924 года товарищи Дзержин-
ский и Орджоникидзе.

Случилось это так.

Пионерский отряд № 116 тог-
да только-только организовался,
группы октябрят при нём ещё не
было. Хотя уже осенью 1923 го-
да в журнале «Барабан» пионер
Боря писал: «При наших отрядах
стали организовываться группы

ребят под названием октябрята». Их называли в разных местах страны по-разному: «красные маки», «цветики-букетики», «зёрнышки-снопики».

— Лучше нет названия, чем «октябрята»! — уверяли сами малыши.

На вечере старых большевиков, посвящённом седьмой годовщине Октября, должны были выступить пионеры. Поэтому один из вожатых отряда Витя-маленький (его называли так в отличие от второго вожатого, тоже Вити, но больше ростом) стоял у входа рядом с вахтером и пропускать выделенных для приветствия ребят.

— А вы кто такие? — громко спросил он двух девочек, робко открывших тяжёлую дверь.

— Мы ровесники Октября, — храбро ответила толстая девочка в вязаной шапочке.

— Нам уже по семь лет исполнилось, — поддакнула худенькая подружка в платке.

Витя не пустил малышей в клуб. Они остались на улице, за дверью, под тускло горевшим фонарём. Падал мокрый снег, дул промозглый ноябрьский ветер.

К клубу, разбрызгивая лужи, подкатил автомобиль с поднятым брезентовым верхом. Из него вышел высокий дядя в длинной кавалерийской шинели почти до пят и усатый мужчина в чёрной бурке.

— Почему тут мокнете, лenchата? — ласково спросил, нагнувшись к девочкам, высокий в шинели. Фонарь осветил худое лицо. По тонкому носу с горбинкой и острой бородке девочки сразу узнали его.

— Товарищ Дзержинский, нас в клуб не пускают, — пожаловалась девочка в шапочке.

— Потому что мы маленькие, — дополнила девочка в платке.

— Ой как нехорошо! Нельзя маленьких обижать! — покачал головой усатый в бурке.

— Поможем, Серго? — обратился Дзержинский к спутнику. Тот по-озорному подмигнул розовощёкой девочке в шапочке, схватил её на руки и спрятал под буркой.

— Держись крепче, красавица! Так на Кавказе невест крадут!..

Не дожидаясь приглашения, Мышка откинула полу длинной шинели и прижалась к ноге Дзержинского.

Военный вахтер у входа вытянулся и отдал честь.

Спустившись по лестнице, Орджоникидзе осторожно спустил Муху с рук. Девочки тут же куда-то исчезли из глаз.

— Любопытные малыши, — улыбнулся Дзержинский и тут же нахмурился. — Преступно мало мы видим своих детей, Серго. Мой сын Ясик уже два года как пионер. А я даже не знаю, с каких лет принимают в пионеры. Ясик лет на шесть старше этих малышей. Пожалуй, чужими детьми я занимаюсь больше, чем собственным сыном.

— Ты неправду говоришь, Феликс, — прервал его Серго. — Все дети твои и мои. В нашей стране нет чужих детей! Нет и не будет!

В тот же вечер по совету Дзержинского и Орджоникидзе при отряде № 116 организовалась первая октябрятская звёздочка.

Муха и Мышка были самыми старыми октябрятами в отряде. Они ездили с нами в лагерь, участвовали в пионерской «Синей блузе», играли в военные игры и слушали рассказы пионерских дедушек о Ленине и революции. Особенно интересные встречи проходили у нас, когда отряд из подвала переехал в старинный особняк в Леонтьевском переулке, недалеко от Тверской улицы. На этой улице в гостинице «Люкс»

останавливались приезжающие в Москву иностранные коммунисты, работники Коминтерна. Ведь тогда во всех странах, кроме СССР, у власти были цари, буржуи и помещики. В Африке и Азии люди жили, как рабы.

И везде коммунистам в борьбе с буржуазией помогали пионеры. Правда, в Австралии их было всего триста человек. Фашисты, пришедшие к власти в Италии, Венгрии, Румынии, Болгарии, Эстонии, запретили детские коммунистические организации. В Польше и Югославии пионеры собирались нелегально.

Большинство иностранных коммунистов в Москву приезжали тайно.

— Их нельзя называть по настоящим фамилиям, — объясняла октябрятам всезнающая Муха.

Борцам революции помогала международная организация — МОПР. Председателем МОПРа была старейшая немецкая коммунистка, друг Ильича Клара Цеткин. Большевичка Елена Дмитриевна Стасова была у неё заместителем. Она частенько привозила иностранных товарищей из гостиницы «Люкс» к нам в отряд.

— Товарищ Стасова знает столько же языков, сколько дедушка Ленин, — уверяла Муха.

— У нас кто был, кто у нас был! — встретила меня как-то в новом клубе восторженная Мышка.

— Кто же у нас был? — спросил я.

— Дядя Бух, вот кто был! — выпалила Мышка.

Я с недоверием посмотрел на ребятшек. Лица у них раскраснелись. Они громко дышали, словно набегались в большую перемену в школе.

Оказывается, без меня Елена Дмитриевна привела в клуб двух знаменитых стариков: немецкую коммунистку Клару Цеткин и старейшего японского революционера Сен Каяма. (Оба они

похоронены сейчас на Красной площади, в Кремлёвской стене). Их сопровождали: женщина-японка и бритоголовый мужчина с лицом и руками простого рабочего.

Катаяма рассмешил октябрят представив им японку:

— Моя дозка Ясу!

Мужчина в защитной форме немецких коммунистов приветствовал ребят, подняв сжатый кулак к плечу:

— Рот фронт!

— Рот фронт! — дружно ответили октябрята.

— Скоро революция в Германии победит? — тут же задала Муха политический вопрос.

Октябрята знали, что немецких пионеров преследуют, конфискуют их пионерский журнал «Дер юнге геноссе». Всё это октябрята рассказали немецким коммунистам. Они улыбались и хвалили ребят.

— Молодца, милый моё киндер, — с трудом подбирая русские слова, говорила Клара Цеткин. — Ви есть короший коммунист. Дель есть время, потех есть час. Ви знаете — Ленин ошень любил играть, киндер?

— Ура!.. Бежим во двор! Ещё светло, — быстро подхватила находчивая Муха.

— Товарищ Эрнст поиграет с вами во дворе, — сказала Елена Дмитриевна Стасова.

Молодой немецкий коммунист с удовольствием бегал с октябрятами, играл в прятки, в жмурки и под конец «пустил с ними пионерскую ракету». Это была такая шумовая игра пионеров двадцатых годов. В ней изображалось, как запускается ракета. Только не такая, как сейчас в космос, а как при фейерверках. Сначала ракета поджигается — все шипят «ш-ш-ш», потом ракета раскручивается, как волчок, — участники игры жужжат «ж-ж-ж», затем хлопают в ладоши, сначала по коленям, выше, выше... над головой, ракета набирает высо-

ту... «дзз!» — и наконец, разывается — «бух!».

«Так вот почему октябрята прозвали незнакомого немецкого коммуниста «дядя Бух», — сообщил я.

— Кто же он такой? — задал я вопрос и тут же смутился. Наверное, его имя не положено называть вслух. Но Муха его знала. Она наклонила мою голову и зашептала на ухо:

— Эрнст Тельман... Эрнст Тельман...

Молодым, жизнерадостным пионерским другом остался в моей памяти Эрнст Тельман.

Почти сорок лет спустя после его встречи с моими октябрятами, я проезжал с советской делегацией учителей мимо тюрьмы, где Тельмана казнили фашисты.

— Рот фронт! Рот фронт! — как по команде, подняли мы сжатые в кулаки руки.

Оно хранится теперь в Центральном музее Ленина, на площади Революции, в Москве. Его передали московским рабочим французские коммунисты департамента Сены летом 1924 года во время V конгресса Коминтерна.

Мы с Женькой Трушевичем так мечтали присутствовать при этом событии!

— Эх, не отпустит нас из лагеря Алёша. Скажет своё любимое: «Точка и ша». И амба, — сокрушался Женька.

Не так просто было добираться до города из лагеря. И хотя он находился в черте теперешней Большой Москвы, но тогда это казалось очень далеко. Вёрст десять от окружной железной дороги, по которой проходила в то время граница столицы. Продукты от станции Покровско-Стрешнево мы возили на тачанке, переданной лагерю из воинской части по приказу нашего шефа, наркомвоенмора М. В. Фрунзе. Ну а сами в лагерь обычно топали на своих двоих — «одинадцатым номером».

Мы с Женькой находились в звене «Парижская коммуна». Переписывались с матросским кубриком линкора «Парижская ком-

муна» и с одной из старших детских групп во Франции.

Конечно, наше звено собирало не только материал по Франции. Мы вели и другую интернациональную работу. Состояли коллективно членами МОПРа, следили за борьбой коммунистов

и пионеров в разных странах.

— Неужели мы только из газет и журналов в лагере будем узнавать о борьбе труда и капитала? И это когда в Москве будет конгресс Коминтерна! Позор на нашу седую голову! — восклицал мой неугомонный друг, худой и чёрный, как грач.

— Идея, Женька! Я попрошу отца привезти в лагерь кого-нибудь из Коминтерна, — предложил я.

— Лучше всего французского коммуниста! — сразу же оживился Женька.

Отец, как всегда, выполнил мою пионерскую просьбу. В воскресенье утром в деревнях по дороге к лагерю поднялся переполох. За открытой легковой машиной в тучах пыли бежали босоногие деревенские ребяташки.

Машина лихо подкатила к ла-

герной линейке, и мы тут же узнали прибывшего гостя.

— Марселю Кашену ура! — дружно закричали ребята. Фотография ветерана Французской компартии, редактора «Юманите» находилась в звеньевом уголке, рядом с портретами героев Парижской коммуны.

Не привыкший к торжественным встречам Кашен смущённо улыбался, то приглаживая седой бобрин на голове, то расправляя большие и тоже седые усы.

Вместе с ним приехал член Президиума Коминтерна Д. З. Мануильский. Под усами он прятал весёлую и чуть насмешливую улыбку, словно только что рассказал забавную историю. Отец говорил, что Дмитрий Захарович удивительный рассказчик.

Мы показали Марселю Кашену лагерь. Ему всё нравилось. И спартанский образ жизни, и военная дисциплина, и обед, сваренный в походной кухне (тоже подарок М. В. Фрунзе), и полное самообслуживание ребят (единственным взрослым в лагере был вожатый Алёша, и тому восемнадцать лет от роду). И, разумеется, больше всего ветерану французского революционного движения понравился наш звеньевой уголок.

— Вы знаете о Парижской коммуне больше, чем дети французских рабочих о Великой Октябрьской революции, — похвалил нас Кашен.

Сразу после обеда устроили костёр.

— Марсель Кашен и Мануильский будут о борьбе с Антантой в мировом масштабе доклад делать? — пытался выяснить Женька.

— Вот что, милые революционные внуки и внучата, — лукаво улыбаясь, начал беседу у костра Мануильский, — о борьбе труда и капитала мы будем говорить на заседаниях конгресса Коминтерна. Там и дедушка Марсель Кашен выступит. А сейчас я рас-

скажу, как он на ткацкую фабрику «Трёхгорка» приехал.

Мануильский поднялся на носки, распушил усы, чуть надулся и стал удивительно похож на Кашена.

— Приехал наш уважаемый гость на митинг и начал всех ткачих направо и налево «мадами» крыть, — рассказывал Мануильский. — Работницы, конечно, обижаются, но молчат. «А вас как представить, товарищ?» — спрашивает Кашена председатель собрания. «Пардон», — не понял вопроса Кашен. «Слово представляется французскому товарищу Пардон», — тут же объявила председатель.

Кашен засмеялся первый, все на костре его дружно поддерживали. Мануильский продолжал:

— Из общежития Коминтерна «Люкс» на Тверской улице однажды отправились Клара Цеткин и Вильгельм Пик в магазин бывшего Елисеева за мёдом, оба плохо знали русский язык. По-немецки слова «мёд» и «петух» очень похожи. «Дайте, пожалуйста, баночку петуха», — просит Пик. «Чего?» — переспрашивает продавец. «Петуха», — подсказывает Цеткин.

Никогда ребята не веселились так на костре. Только мне было не до смеха. Отец требовал, чтобы я уехал из лагеря вместе с ним и отправился лечиться в детский санаторий в Крыму.

— Не поеду я в Крым. Я в лагере должен закаляться, — твердил я отцу.

Но недаром папа слыл в большевистском подполье опытным конспиратором. Ещё до разговора со мной он обо всём договорился с вожатым Алёшей.

— Два шага вперёд марш, — скомандовал мне вожатый. — Слушай задание: едешь с отцом в Москву учиться на фотокора отряда в фотолаборатории «Рабочей газеты» — раз. Присутствуешь вместе с Евгением Трусе-

вичем на передаче знамени Парижской коммуны — два. Точка и ша! И никакой бузы!

Я уехал в автомобиле с Марселем Кашеном, Мануильским и отцом. Наша с Женькой мечта осуществилась. Мы присутствовали с ним 6 июля 1929 года на торжественной передаче знамени Парижской коммуны.

На огромном Ходынском поле в жаркий июльский полдень было тесно от народа. В людском море, как корабли на якорях, стояли трибуны. Вокруг них словно алые паруса развевались кулачковые полотнища: «Пролетарии всех стран и угнетённые народы, поднимайте выше знамя Парижской коммуны!»

У центрального трёхэтажного сооружения раздался голос молодого командующего Московским военным округом «первого красного офицера» Ворошилова:

— Равнение на середину! Смирно!

К трибуне, отмахиваясь от зноя, шли делегаты конгресса.

— Смотри-ка, Калинин, Бела Кун, Енукидзе, Томас Манн, Коларов, Лозовский, Сен Катаяма, Пятницкий, — кричал мне на ухо Женька Трусевич, как будто я сам их не мог узнать. Зато Женька не знал в лицо итальянца Эр-

колли, индуса Роя и молодого немецкого коммуниста Эрнста Тельмана.

— Ура! Да здравствует красная Клара Цёткин! — раздались дружные приветствия ткачих «Трёхгорки».

— Жарко, как в кузнице, — вытирая пот с лица, говорил мой сосед, наверное, рабочий с завода «бывший Гужон». Он отчаянно молотил ладошками, аплодируя французскому коммунисту товарищу Коста, передававшему от имени рабочих департамента Сены знамя Парижской коммуны.

— Да здравствует русская революция, отомстившая за коммуны! — закончил свою речь французский коммунист.

После праздника на Ходынке мы с Женькой забрались на машину к отцу и поехали с ним на Красную площадь. Бережно, как самую дорогую реликвию, внесли делегаты конгресса старое знамя Коммуны во временный, деревянный тогда, Мавзолей Ленина.

Отец позволил мне вернуться на сутки в лагерь, рассказать о великой интернациональной дружбе по заветам Ильича.

Ну, а потом мне всё-таки пришлось ехать в Крым...

Годы и дела пионерские

(К фотоснимкам на 2-й странице обложки)

ТРУБИТ ГОРН, зовёт к новым делам, не даёт ни дремать, ни лениться. Потому что летит время, а с ним надо шагать только вровень: нельзя жить днём вчерашним, надо сегодняшним или завтрашним.

Новые времена — новые дела и задачи.

В годы войны многие пионеры пришли на заводы, чтобы заменить старших. Там они в первый раз увидели токарный станок, слесарный или столярный верстак, простейшую кузнечную кувалду. И пришлось им, неумелым, вставать к станкам, брать в руки непослушный инструмент. Конечно, всегда находился какой-нибудь дядя Вася, который и станок наладит, и покажет приёмы работы, и ящик раздобудет под ноги, чтобы стал работник повыше ростом. Но ведь некогда дяде Васе учить, у него ведь у самого военный заказ.

Иное дело теперь. Слесарные и столярные верстаки, электромоторы, различные станки стоят в школьной мастерской. И уже не дядя Вася, а специально подготовленный преподаватель труда учит на уроках ребят технологии обработки дерева и металла.

Без этого теперь не обойтись. Ведь на вооружение пионерии поступила сложная техника, которой неподготовленный человек управлять не сможет. Своя железная дорога, своя флотилия судов! Взгляните на фото, и вы убедитесь, что они не игрушечные, а самые настоящие. Не отправится поезд без дежурного по станции, машиниста, кочегара, кондуктора, стрелочника. Не снимется с якоря пароход без капитана, штурмана, механика, боцмана, без матросов.

Не все однако довольствуются техникой. Многие дерзко заглядывают и в мир науки. Конечно, открытия для них ещё за семью замками. Но ребята охотно предлагают учёным свои услуги, рады получить от них задание собрать какие-то сведения, поставить опыты, обследовать труднодоступные уголки природы.

Седой человек на фотографии — это известный учёный Лев Семёнович Берг, академик, президент Всесоюзного географического общества. Казалось бы, что общего между ним и этими девочками в галстуках? Оказывается, общее нашлось. Девочки ухитрились получить от учёного задание и теперь явились с отчётом.

Ученье — дело трудное. И нет ничего удивительного, что летние каникулы милы и желанны каждому школьнику. Испокон веков о лете мечтают целые поколения ребят, и, наверное, так будет всегда.

Но каникулы, оказывается, бывают разные. Можно прослоняться, проскучать всё лето и не почерпнуть для себя ничего полезного. А можно провести каникулы организованно, интересно и с пользой.

Вот о том, чтобы никто не скучал и не слонялся без дела, чтобы всем было весело и интересно, и стали заботиться пионерские дружины. Даже начали соревноваться между собой и делиться опытом организации летнего отдыха ребят.

Пионеры Выборгского района Ленинградской области широко развернули эту работу. В летние каникулы 1958 года они съехались на слёт, который назвали «Пионерской республикой». В живописном месте возник огромный палаточный город с улицами, с почтой, с телефоном. Сами готовили пищу, несли охрану, проводили различные соревнования и сами определяли победителей.

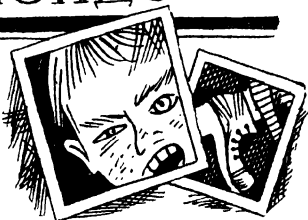
Всего пять дней продолжался слёт. Но о тех пяти днях жизни в «Пионерской республике» до сих пор с радостью вспоминают пионеры, ставшие уже взрослыми.

В те годы родилась и другая форма каникулярного отдыха — путешествие по родному краю. Шагать с рюкзаком за спиной, своими глазами видеть красоты родной природы, встречаться с интересными людьми, проводить ночи у костра, рыбачить и варить уху — согласитесь, что это получше, чем валяться в гамаке.

Корреспондент

Гера Крошечкин

Когда у Геры Крошечкина появился фотоаппарат, он сразу стал в центре внимания. Ходит в центре, а мы по бокам. Каждый просит, чтобы его сняли, а Гера возмущается, — мол, всех людей снять невозможно. А сам снял петуха. И где он его нашёл, подумать только! Во всём городе ни одного петуха не видно. Оказывается, он его на базаре сфотографировал. На базар за петухом ходит, а своих товарищей снимать не хочет! Куда это годится?

Окружили ребята Геру Крошечкина, галдят, умоляют сфотографировать, а он важничает. Круглый отличник Миша махнул рукой и говорит:

— Да ну его! Будет петухов снимать да куриц, кому это надо!

Вася, круглый троечник, на Мишу полез, заискивает перед Герой, чтобы тот его снимал почаще, но Миша отскочил в сторону, да прямо на ногу ста-

росте Камилле Ермолаевой. А Гера сейчас же эту сцену сфотографировал.

— Смотрите-ка, смотрите! — крикнул заискивающий Вася, — успел заснять, когда Миша на Камиллиной ноге стоял!

Камилла заплакала, а Гера её тут же сфотографировал всю в слезах.

Камилла говорит сквозь слёзы:

— Вы же видите, какие ужасные сцены он снимает! Мне на ногу чуть пальцы все не отравили, а для него сенсация. Вот до чего он дошёл со своим аппаратом.

Круглый троечник Вася говорит Гере:

— Я готов хоть сейчас же заплакать, как Камилла, только бы меня засняли!

Круглый отличник Миша говорит ему:

— Мы знаем, ты на всё готов, только бы не учиться. Ни одной «четвёрки» за всю жизнь не получил.

— И с «тройками» всю жизнь переводят, — ответил Вася.

— Зато тебе будет в жизни трудно, — сказал Миша.

— А тебе легко?

— Мне легче.

— А мне сейчас легче, — сказал Вася.

А Гера сейчас же эту сцену снял.

Васе очень не понравилось, что его зафиксировали в такой момент, и он стал возмущаться, а Гера улыбаться.

— Ты ведь сам просил, — говорит ему Гера.

— Я не так просил, — говорит Вася.

— А как?

— По-другому.

Стоит расстроенный и зевает.

И опять Гера его снял.

— Да ты что, нарочно? — разозлился Вася. — Не смей меня снимать с раскрытым ртом.

— А ты закрой рот, — говорит Гера.

Вася так стиснул рот, что даже зубы скрипнули, тут Гера его сейчас же и сфотографировал.

Вася испугался, что у него на фотографии теперь получится свирепое лицо, но Гера объяснил, что на фотографии не будет слышно скрипа, и Вася успокоился.

Камилла вытерла слёзы и говорит:

— Гера Крошечкин действительно способный человек. Он ловко успевает замечать. Но это не всё. Что он снял? Меня плачущую, Васю с раскрытым

ртом, Васю свирепого, Васю расстроенного и Мишу, стоящего на моей ноге. Кому нужны такие фотографии? Разве мне и Васе нужны такие фотографии? Они никому не нужны, даже ему самому.

Но Гера сказал:

— А зато мне смешно. Я буду смотреть на ваши фотографии и показывать другим, и мы все вместе будем хохотать.

— Я тебе покажу, как надо мной хохотать! — заорал круглый троечник Вася, но Камилла его остановила.

Круглый отличник Миша сказал:

— Как же он будет надо мной смеяться, если я круглый отличник? А у него две «двойки». Это я над ним должен смеяться вместе с его фотоаппаратом, если на то пошло!

— А что, нельзя зевать? — раскричался круглый троечник Вася. — Что, нельзя зевать?

От его крика Гера Крошечкин стал вовсю зевать, и Вася сказал:

— Сам зевает, а другим не даёт.

Но тут, глядя на Геру, все стали отчаянно зевать и долго не могли остановиться.

После этого Камилла сказала:

— Наш Крошечкин со своим аппаратом вполне мог бы классу пользу принести. Если бы он имел поручение от общественности, представляете? Давайте-ка, ребята, его кор-

респондентом стенной газеты выдвинем. Согласен быть корреспондентом?

— Ох, наверное, это трудно, — испугался Гера.

— Легко, легко! — закричали ребята. — Мы будем только сниматься, а ты только нас снимать.

— Только вас одних снимать? — опять испугался Гера.

Ира-санитарка говорит:

— Заснял бы, Гера Крошечкин, как от нас некоторые ускользают, когда мы у них уши и руки проверяем, — посмотрела на круглого троечника Васю, — получилась бы у тебя отличная картинка.

Гера Крошечкин подумал и сказал:

— Это можно.

— Сфотографировал бы пушкинские места, родную нашу природу, которую воспел поэт, — сказала Камилла.

— Это верно, — сказал Гера.

— И меня на фоне Исаакиевского собора, — сказал Вася.

Но на круглого троечника Васю так накнулись, что он больше не выставлял свою кандидатуру.

И Гера Крошечкин согласился стать корреспондентом.

А для начала сфотографировал весь довольный, улыбающийся класс на фоне карты мира для праздничного номера стенной газеты.

Лесной ручей

Из глубины,
Из-под коряг,
Какой-то сказкой
 древней
Ручей струится,
Как сквозняк,
В глуши,
В плену деревьев.
Ветрам закрыты здесь
Пути,
Грома проходят тихо.
Но он отважится
 найти
В простор
Весенний выход.

Чтоб чистоту свою
Пролить
На луговые травы,
И там сверкать,
Звенеть, бурлить
И оглашать дубравы.
И где-то,
Вёрстам счет забыв,
Лететь в весну
 и в осень,
А там
Рвануться на дыбы, —
В турбину ярость
 бросить.

К о ш к а

Дом опустел.
Но часто, часто
 грядками,
Когда длиннеет тень
И день
Готов в отлёт,
Приходит кошка
Словно бы украдкой,
Скребётся в дверь,
Мяукает и ждёт.

И думается ей:
Хозяйка занята.
Но тихо в доме,
В небе,
Во дворе.
И засыпает
В ожиданье маятном
Обманутым комочком
У дверей.

П ч е л а

Пчела кружилась и жужжала.
Как будто всех
 предупреждала,
Что у неё в запасе — жало!
Пчелиный род обидеть —
 смей!
А я домой несу малину.
Пчела спустилась мне
 в корзину.
Какой хороший аппетит!
Пусть ест.
Не трону и не скину.
Убытки мёдом возместит.

Глава I

СТЫЧКА ВО ДВОРЕ

В глубоком, как ущелье, полутёмном дворе мрачного старого дома, каких, к сожалению, ещё много в Ленинграде, гоняли мяч мальчишки.

Мяч был старенький и напоминал не шар, а скорее, яйцо. А уж камера!.. Латаная-перелатаная.

Всего несколько лет назад кончилась война, и камер было не достать. И эту вот с великими муками выменяли у парень-

ка из соседнего дома. Дали за рваную камеру трофейный тесак, железный немецкий крест (это орден такой) и в придачу ещё солдатский пояс, с «гот мит унс»* на металлической пряжке.

Мальчишки носились взмокшие, с потёками пота и грязи на лицах, оцалевшие от усталости и азарта.

Только один из них не мотался сломя голову по всему двору. Не по летам грузный и длинный — не зря его прозвали Витька-Башня — он топ-

Повесть печатается с сокращениями.

* С нами бог (нем.).

тался неподалёку от ворот противника.

Он выжидал. Выжидал терпеливо, упрямо, исподлобья внимательно следя за игрой.

Вот мяч вдруг перелетел всё поле и, подпрыгивая, покати́лся возле Витьки-Башни. Вялость мигом слетела с него. РванулсЯ, настиг мяч и с трёх метров кинжальным ударом воткнул его в ворота.

— Неправильно! — яростно заорал низенький тщедушный мальчонка. Голос у него был визгливо-пронзительный. — Оф-сайт! Не считается!

— Чего-чего?! — Витька-Башня, как танк, тяжело и грозно надвинулся на него. — Гол!

— Неправильно! — не сдавался шупленький. Его звали Юлька-Заморыш. Иногда звали — Юла. — Ты же из оф-сайта!..

— Умолкни, сопля! — Витька двумя пальцами, как клещами, ухватил Юлу за нос. Крепко сжал и потянул к себе. Потом откинул ему голову назад. И опять притянул к себе. И ещё... И ещё..

Юла махал руками, дёргался, извивался всем телом, но всё напрасно. Короткорукый, дотянуться до высоченного Витьки он не мог. Щёки у Юльки побелели, а нос налился густой краснотой.

Ребята вокруг хмуро молчали.

— Сколько раз надо повторять?! — меж тем приговаривал Башня. — «Граждане! Не появляйтесь внезапно перед

быстро идущим транспортом. Помните, граждане: мгновенно остановить транспорт невозможно...»

Это была излюбленная Витькина манера. Он говорил что-то нелепое, не имеющее отношения к делу. Но почему-то иногда получалось смешно.

На этот раз никто не засмеялся. Мальчишки по-прежнему угрюмо молчали.

— Брось ты! — наконец не выдержал Венька. — Чего пристал?

— Как не стыдно! Обижать слабых! Это подло! Подло! — вдруг раздался тонкий девчончий голос.

Ребята обернулись. И Витька тоже.

Ну, конечно. Это Женя из тридцать третьей. Вечно она в мальчишечьи дела суётся.

— Это подло! И трусливо! — гневно кричала Женя, наступая на Башню. — Брось сейчас же!

Витька поглядел на неё лениво-небрежно.

— И впрямь бросить, что ль? — вслух подумал он.

И сильно пихнул Юлу. Тот упал.

А Витька неторопливо зашагал со двора.

Грязный, взлохмаченный поднялся Юла с земли. Венька подошёл к нему, стал стряхивать пыль с его куртки и штанов.

— Да ладно, — хмуро буркнул Юла.

Он потрогал сильно распухший нос.

— Очень больно, Юлий? — спросила девочка.

— Нет. Даже приятно, — попытался сострить Юла. Но шутки не получилось, и он, прикрыв нос рукой, сердито сказал Жене:

— Шла бы ты...

— Ну и пойду!

Она тряхнула косами и ушла, ни разу не обернувшись.

Все во дворе знали историю её отца. О нём был очерк в газете. И фотография. На разных фронтах он сбил девятнадцать немецких самолётов, а

сам не получил ни царапины. Но в последний день войны, когда было уже объявлено о победе, какой-то недобитый фриц, прятавшийся в подвале, застрелил его.

Теперь Женя жила с матерью и бабушкой, у которой что-то сместилось, сдвинулось в голове, когда узнала она о такой нелепой и потому особенно обидной гибели сына. Старуха так вроде бы была ничего... Но, увидев афишу о балете или услышав балетную музыку, она тотчас начинала всхлипывать. Её сын очень любил балет.

Женя ушла, а мальчишки обступили Юлу. Венька отвернул кран возле прачечной, смочил свой платок и подал Юле.

— На, приложи... А этому гаду Башне давно пора бы всыпать.

Ребята молчали.

— Всыпешь ему — как же! — вздохнул кто-то. — Он же любимый из нас одной левой...

На дворе быстро темнело. Лампочки ещё не зажглись, и весь двор теперь напоминал какую-то таинственную пещеру с тёмными закоулками, провалами, тупиками и гротами.

Постепенно мальчишки разбрелись по квартирам.

Юла и Венька ещё долго сидели на брёвнах, привалившись спинами к дощатой стенке сарая. За день стена нагрелась на солнце и до сих пор хранила приятное тепло.

Юла и Венька были похожи друг на друга. Оба низенькие, щупленькие. Доходяги — называли таких. У обоих ноги

как тросточки. А лопатки торчат, такие острые, прямо уколаться можно, если с разбегу наскочишь на них.

Только у Юлы лицо широкое и глаза большие, а у Веньки — лицо маленькое, узкое и глаза — тоже маленькие и прячутся под очками глубоко-глубоко. А может, у Веньки лицо казалось таким узким потому, что уши у него какие-то плоские, плотно прижатые, словно приплюснутые, к голове.

Юла не спешил домой. Мать... Увидит такой нос — опять крику не оберёшься. А Венька не уходил принципиально. Не покидать же друга!

— Эх, быть бы мне Али-Махмуд-Ханом! — сказал Юла.

Венька понятиливо хмыкнул.

Недавно на ленинградских улицах запестрели огромные яркие афиши. Цирк. Знаменитый турецкий силач Али-Махмуд-Хан. И был нарисован могучий дядька в чёрном борцовском трико. Мускулы у него — как булыжники. Он держал шест, и на каждом конце шеста висела целая гроздь людей. Наверно, человек восемь, не меньше.

Мальчишки пошли в цирк.

Здоровенный дядька, огромный и грузный, как несгораемый шкаф, казалось, мог поднимать весь цирк. Если очень поднатужится. Он носил шест с людьми, перекидывал с руки на руку огромные гири: цирковые служители — униформисты выкатывали их на арену в тачках. Иначе, наверно, было не притащить,

Ноги у Али-Махмуда были как брёвна. А сам он — как гора.

Он взял толстый железный прут, не прут, а настоящий лом, пальца в три толщиной, и вдруг согнул, да вдобавок ещё завязал его узлом.

— А всё-таки несправедливо устроена жизнь, — задумчиво сказал Венька. — Почему природа дала Витьке такой рост? А мне — половину.

Юла кивнул. Да, несправедливо.

Мимо мальчишек прошла Женя. В «авоське» она несла хлеб и какие-то кульки. Юла торопливо отвернулся. И надо же, чтоб этот чёртов Башня именно при Жене... Это было вдвойне обидно.

— Тебе-то повезло, — вздохнул Венька. — Вот уйдешь в Суворовское. А я тут останусь. С Башней...

Они замолчали. Да, Юла понимал: насчёт Суворовского ему здорово подфартило.

Эти училища — Суворовские и Нахимовские — открылись в разгар войны. И на улицах уже привыкли к стройным фигуркам мальчишек в ладных военных мундирчиках с узкими красными погонами и в высоких военных фуражках. Мальчишки были и совсем маленькие и постарше, но все они, благодаря форме, казались мужественными и сильными. И вроде бы уже взрослыми.

Они чётко отдавали честь, так резко и быстро отдергивая руку от фуражки, будто она раскалена. Были они подтяну-

тые, ловкие и даже шагали не как обычные мальчишки. Не вразвалочку, не — руки в карманах. Ещё бы! Будущие офицеры!

Юла глядел на них с завистью. И надо же — как повезло!

Мать однажды собрала «семейный совет»: своего старшего брата, дядю Федю, и сестру, тётю Надю.

Однорукий дядя Федя по такому важному случаю явился в кителе со всеми своими орденами и медалями. Обычно он нещадно дымил едкими самокрутками, удивительно ловко сворачивая их единственной рукой. Но на этот раз дядя Федя курил тонкие папиросы — «гвоздики».

Тётя Надя пришла в шёлковом платье.

И Юлу мать нарядила в почти новую синюю сатиновую рубашку, перешитую из отцовской косоворотки.

Юла чинно сидел у окна, а трое взрослых — за столом.

Решение приняли быстро.

— Отдать мальчика в Суворовское, — строго сказал дядя Федя. — Там из него человека смастерят. Факт.

Женщины согласились.

Матери одной с ним не совладать. Весь день на фабрике. А мальчишка на дворе шагает. Ещё того и гляди с хулиганьём свяжется. И к тому же — в Суворовское в первую очередь принимают тех, у кого отцы на фронте погибли. А у Юлия отец, старший лейтенант, пал смертью храбрых под Курском.

— Да, — сказал Юла. —
Мать говорит: на днях вызо-
вут. Надо пройти осмотр.

— Пройдёшь! — сказал
Венька. — А станешь суворов-
цем — не забывай. Заходи.
Как увольнительную полу-
чишь, сразу и заходи.

— Конечно! — сказал
Юла. — Что за вопрос? Ну, а
пока... Пора домой.

Венька кивнул.

Глава II

СТРАШНЫЙ СОН

Мать всплеснула руками:

— О горюшко моё! По-
дрался?

Юла снял куртку.

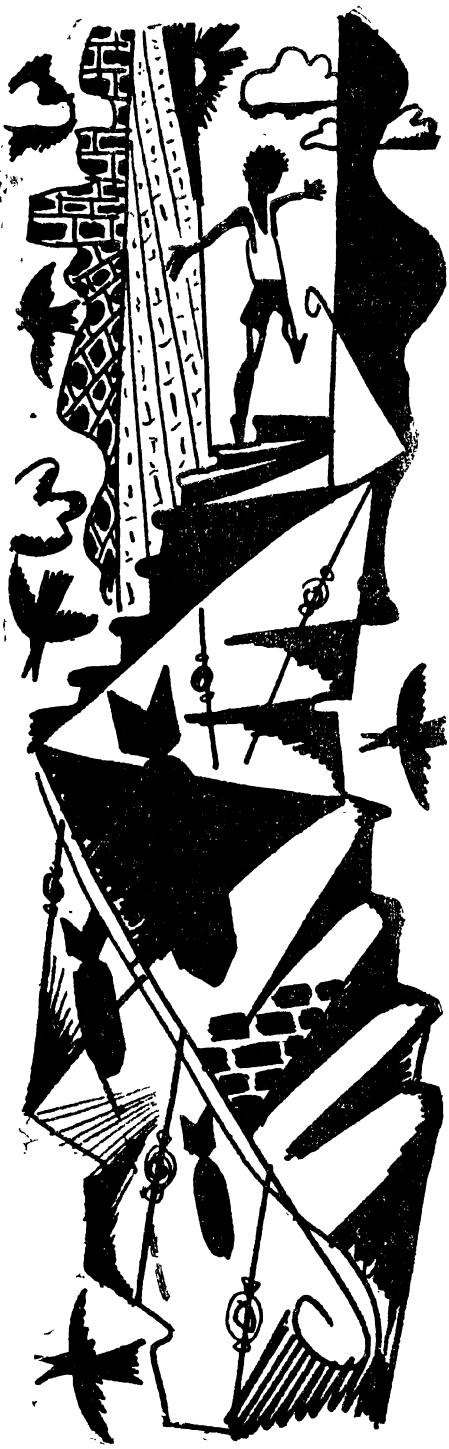
— Упал, — хмуро ответил
он, быстро прошёл к столу,
сел и сразу поджал ноги. Но
хитрость не помогла.

— Опять ботинки изувеч-
чил? — мать чуть не заплака-
ла. — Да где ж на тебя обув-
ки напасть, идол?!

Юла молчал. Да, он знал, с
каким трудом достала мать
эти ботинки. В магазинах обу-
ви не было. Чтоб получить бо-
тинки, надо было раздобыть
специальный талон. Ордер.
А достать этот самый ордер
было ой как нелегко! Матери
на фабрике потому только и
дали, что — вдова фронто-
вика.

Юла быстро поел — опять
эта чёртова овсянка! — и за-
брался в кровать. Вскоре Юла
уже спал. Засыпая, он ещё
успел подумать: хоть бы сего-
дня ЭТО не приснилось.

Но ЭТО снилось ему почти
каждую ночь,

Едва только он погружался в дремотную невесомость, сразу же из мглы выплывал дом. Огромный, пятиэтажный. Дом как дом. Только без передней стены. Эту стену, фасад, как срезало. Бомба...

На третьем этаже, в спальне, — кровать, и одна ножка её висит над улицей. Кровать аккуратно застелена: и одеяло, и подушка. А над постелью — плюшевый коврик, и на нём вышиты три медведя.

Этот дом на соседней улице, видимо, намертво врубился в память шестилетнему Юльке.

Сколько уже минуло с тех блокадных времён!

А снится этот дом почти каждую ночь. И каждую ночь Юла вновь разглядывает медведей на плюшевом коврике и строгих дядек в профессорском кабинете, и кровать, нависшую прямо над улицей.

А потом становится ещё страшнее. Юла идёт по лестнице, по той самой лестнице, где жила их тётка Глафира. Тётка была искусной вышивальщицей. И повсюду в её комнате пестрели вышивки. На подушке вышито: «Спокойной ночи». На скатерти — «Кушайте на здоровье».

Юла идёт по лестнице... Он идёт, и идёт, и идёт по ступенькам. И не видит, что после площадки — лестницы уже нет. Пусто. Конец.

Тут сердце у Юльки всегда замирает, и он дико вскрикивает:

— Мам!

Мать словно и не спит:

— Опять к тётке Глафире шагал? — ровным, спокойным

голосом спрашивает она. — Ну ничего, ничего.

Обязательно встанет, подоткнёт на нём одеяло, хоть оно вовсе и не сползло.

— Спи, Юлик. Спи, дистрофик мой.

Дистрофия. Нынешние ребята и слова-то такого не слыхивали. А когда-то в блокадном Ленинграде было это страшное слово таким же будничным, обиходным, как копилка, затемнение, карточка, бомбёжка. Если человек от постоянного голода терял последние силы и уже не мог даже ходить, если лежал он, вялый и равнодушный ко всему, ещё жилец и уже мертвец, вот это и называлось — дистрофия.

Шестилетнего Юльку-дистрофика, с головой завернутого в одеяло, наверно, вскоре свезла бы мать на саночках на далёкое кладбище, как свозили туда многих ленинградцев, если б не открылась вдруг Ледовая дорога. Невероятная, удивительная дорога по льду Ладоги. Из окоченевшего голодного Ленинграда туда, на Большую землю. Вывезли Юльку-дистрофика полумёртвого. Но отходили там, в детдоме. Спасли. А после войны мать его разыскала. Приехала за ним в Вологду и увезла обратно в Ленинград.

...Спит Юла.

Глава III

«ПО СОСТОЯНИЮ ЗДОРОВЬЯ»

Старинное здание Суворовского училища пряталось в глубине тенистого сада.

Когда-то, давным-давно, здесь находился знаменитый Пажеский корпус. Лишь дети генералов и высших царских сановников учились в корпусе. Будущие блестящие пажи и камер-пажи царского двора.

Возле узорчатой чугунной ограды, отделяющей сад от улицы, суежилась целая толпа машин.

У ворот стоял часовой — низенький, но очень важный парнишка в мундире с красными погонами и брюках с красными лампасами. К каждому мальчонке часовой обращался на «вы».

— Вам куда? Ваша фамилия?

Пришедший обычно обалдевал: ещё никогда в жизни его так не величали. Некоторые настолько терялись, даже начинали заикаться и на миг забывали собственную фамилию.

Потом часовой неторопливо смотрел в список, парнишку пропускал, а мамаше солидно и строго говорил:

— А вы, гражданка, можете быть свободны.

Однако мамаша не уходила. Они стояли у ограды и оживлённо обсуждали будущую военную службу своих детей.

Юльку часовой тоже отыскал в списке и пропустил.

И вот Юла — в саду. Он идёт по асфальтированной дорожке. На ногах — Венкины ботинки. Они, правда, немного жмут, но не беда. Свои-то всё ещё в починке. Не пойдёшь же в Суворовское в галошах, подвязанных верёвочками!

По широким каменным ступеням Юла поднялся к огромной дубовой двери, такой тяжёлой, — Юла с трудом отворил её. Очутился в вестибюле. Паркет в нём был узорный и так блестел — даже боязно было на него ступить.

Возле столика сидел суворовец, тоже в мундире с красными погонами и брюках с лампасами.

— На медосмотр? Направо по коридору, — сказал он.

Юла повернул направо.

В большом зале вдоль стен были расставлены девять столиков. За каждым — врач. Мальчишки переходили от столика к столику. Все мальчишки были голые, и только в руках у каждого — медицинская карточка.

Юла тоже разделся, тоже получил медкарточку.

Ботинки он снял охотно. С облегчением пошевелил онемевшими пальцами.

Его осмотрел глазник.

Потом другой врач с круглым металлическим зеркалом, укреплённым на лбу, вставил ему холодную никелированную трубочку-воронку в ухо и направил туда свет своего зеркала.

Потом невропатолог постукивал металлическим молоточком Юлке по колену и крест-накрест чиркнул этим молоточком по его груди.

Всё это совершалось быстро, и каждый врач, осмотрев Юлку, делал пометку в его медкарте.

Потом Юлька подошёл к терапевту. Усатый старичок-доктор спросил:

— Ну-с, как здоровье, молодой человек? Есть жалобы?

— Никак нет, — ответил Юлька.

И сам удивился: ответ прозвучал коротко, чётко, по-военному. Будто он уже настоящий суворовец.

Усатый доктор приложил круглую металлическую коробочку к Юлькиной груди. От коробочки, как две змеи, извиваясь, тянулись резиновые шнуры и вползали прямо в уши доктору.

«По этим шнурам, наверно, передаётся стук моего сердца, — подумал Юлька. — А коробочка — она, наверно, как микрофон. Усиливает звуки».

Доктор передвигал этот маленький массивный кругляш и слушал. Ещё чуточку передвинет — ещё послушает.

«Как он долго!» — подумал Юлька.

Все врачи действовали быстро. Да и этот, усатый, других ребят осматривал без за-

держки. А Юльку он чего-то слушал, и слушал, и слушал...

Заставил его лечь на жёсткую кушетку, обитую белой клеёнкой, и опять слушал.

Велел попрыгать на месте и опять слушал.

«Чего это он?» — встревожился Юла.

— Да... — негромко сказал доктор.

Посмотрел в потолок, побарабанил пальцами по столу.

— Да...

И что-то быстро-быстро стал писать в Юлькиной медкарте.

ВЕСЬ ДВОР и, наверное, полшколы знали: Юла поступает в Суворовское. Ребята глядели на него с завистью.

В классе на доске кто-то мелом нарисовал бравого офицера в мундире с погонями. Офицер немножко походил на Юльку, но больше — на генералиссимуса Суворова. А вообще-то они были похожи: оба маленькие, худенькие, с петушиными хохолками.

А физик Илья Николаевич на уроке сказал Юле:

— В Суворовское уходишь? Жаль. Хоть и не отличник ты, а жаль. Прямой ты парнишка. И честный. А эти доблести я ценю превыше всех «пятёрок».

Юла даже побледнел. Не ожидал он такого от физика. И ребята — тоже. Физик на похвалу скуп. И «пятёрки» у него, пожалуй, один только Венька получал. Из всего класса — один.

Строг Илья Николаевич, и в школе зовут его «инквизитор». Почему так, Юла не знал. Во-

все не похож он на инквизитора. Огромный, толстый. И всегда в свитере. А инквизиторы в книгах — тощие, жёлчные, непременно с ног до головы в чёрном, и глаза горят сумасшедшим огнём.

Юла сказал Веньке:

— Кроме всего прочего, в Суворовском спорта много. И бокс, и на шпагах, и бег. Года через два приду сюда — не узнают Заморыша.

— Точно, — подтвердил Венька. — А я вот так и останусь...

Юла знал: у Веньки больные лёгкие. И ещё что-то с горлом. Поэтому он кашляет так часто. И по целым неделям в школу не ходит.

— Ничего, — сказал Юла. — Нынче медицина такие чудеса отмачивает. Может, скоро додумаются и новые лёгкие приделывать? А что? Я вот по радио слышал: почки уже вставляют. Пока, правда, только обезьянам...

— Это верно, — сказал Венька.

— И потом... Ты же хочешь быть учёным? Физиком? Так? А физику — ему не надо боксом или штангой... Он же сидит у себя в кабинете тихонечко и делает всякие открытия.

— Это верно, — повторил Венька.

Он замолчал. Задумался.

Юла мог поклясться, что точно знает, о чём сейчас думает его друг. О четырёх задачах Грюнфельда.

Есть такие знаменитые задачи старинного немецкого математика Грюнфельда. Четыре

задачи. Восемьдесят лет назад он составил их. И до сих пор никто в мире не может решить эти вроде бы и не очень трудные задачки. Никто!

Венька, как узнал, — загорелся. Вырасту — решу. Непременно! «А что? Очень даже возможно! — подумал Юла. — Венька — парень башковитый. Решит».

На дворе появился Витька-Башня. Он шагал неторопливо, заложив руки в карманы. А по бокам, слева и справа от него, шли верные его дружки — Гешка и Кешка.

Оба они учились в той же школе, где и Юла. А что делал Башня, никто из ребят толком не знал. После седьмого класса Башня бросил школу. Поступил в ремесленное училище. Но пробыл там недолго. Потом вроде бы устроился учеником слесаря по вентиляции. А где он теперь числится — кто его знает? Целыми днями болтался он во дворе и в сквере, а вечерами — возле кино.

— А! Будущему генералу! Маршалу! Салют! — сказал Витька. — Двенадцать залпов.

Он сложил пальцы и звонко щёлкнул Юлу по лбу. Это называлось — «отвесить калган».

— Раз!

Витька снова сложил пальцы и отвесил второй калган.

— Два!

Юла стоял не шевелясь. Исподлобья с яростью глядел на Витьку. Но молчал. Не двигался. Это было — как вызов. Он не убегал. Даже не пытался защититься.

— Три! — щёлкнул Витька. — Четыре! Пять!

Кешка и Гешка, стоя рядом, покатывались от смеха.

— Слушай ты, Башня, — сказал Юла.

Он сказал это тихо, но все услышали.

— Генералом я, наверно, не буду. Но уж боксом я в Суворовском займусь. И — клянусь! — если не перестанешь

измываться, я года через два тут вот, при всех, сделаю из тебя котлету.

Он сказал это с такой яростью, с такой уверенностью...

Все вокруг умолкли.

— Хо, мальчики! — криво усмехнулся Витька. — Заморыш, кажется, грозит мне?!

Он щёлкнул Юльку ещё раз по лбу, не сильно, просто так, чтоб не подумали, что он испугался. Повернулся и зашагал к воротам.

— «Граждане! Переходите улицу только по зелёному сигналу светофора, — на прощанье громко провозгласил он. — И только в специально обозначенных местах...»

Витька мечтал получить шофёрские права. И заранее изучал правила движения и все плакаты ГАИ.

...А через три дня Юла получил письмо.

Оно было отстукано на машинке. Всего шесть строк. Юлке сообщали, что он, Юлий Богданов, не может быть зачислен в училище. «По состоянию здоровья...»

Глава IV ЕЩЁ УДАР

На дворе Юлке теперь проходу не было.

— Разрешите, товарищ генерал? — отдавая честь, каждый день приветствовал его Витька-Башня и делал вид, что осторожно, угодливо снимает пушинку с его плеча.

— Смирно! — выпучив глаза, свирепо командовал Витька малышам. — Не видите: сам генерал пожаловал!

И в школе тоже. На доске, где недавно нарисовали бравого Юльку-Суворова, теперь появилась карикатура. Хилый Юлька стоит, понутив голову, размазывая огромные слёзы обоими кулаками. А рядом — сам генералиссимус. Из рта у генералиссимуса вьётся надпись: «У меня орлы-молодцы! Хлюпики не нужны!»

Было обидно, конечно, но Юла терпел.

Мать два раза бегала в Суворовское. У самого начальника училища и то побывала.

Мать у Юлы — крикливая, настырная. И Юла не любил, когда она ходила в школу. А тут обрадовался. Пусть поголосит там, у генерала. Авось тому тошно станет, зачислит.

— Нет, — сказал начальник училища. — К сожалению, никак... Медицинские противопоказания...

И сколько мать ни упрашивала — всё без толку.

Юла теперь часто подолгу сидел один в доте. Так он называл тайное убежище в брёвнах. Брёвна за сараем лежали навалом, и там, возле низенького мотоциклетного гаража, образовалась малюсенькая незаметная клетушка. Пещера. Вползти в неё можно только на животе, сквозь узкую дыру. А потом сядешь и сидишь, со всех сторон окружённый брёвнами. Как в крепости. Снаружи тебя и не видать. А ты сквозь узенькие щели всё видишь.

Сидит Юла в доте, в полутьме, смотрит, как солнце втыкает острые световые клинки

меж брёвнами. Как пляшут пылинки в этих лучах. Как паук медленно спускается по невидимой паутинке, — кажется, прямо по воздуху ползёт. А в голове одно: «Не приняли...»

Вдыхает Юла смолистый, крепкий, такой вкусный запах брёвен, прикроет глаза — и словно в лесу. А в голове опять бьётся: «Не приняли...»

Это надо же, как не повезло!

И опять видит Юла маленького важного часового у входа в училище, и огромный вестибюль с узорным паркетом, и усатого старичка-доктора.

Да, не повезло.

Юла теперь часто уходил со двора к Веньке.

У Веньки отец изучает разные древние города, тысячи лет назад засыпанные песком. Он ездит в экспедиции, откапывает эти мёртвые города, а потом пишет о них книги.

Когда Венькиного отца не было дома, мальчишки забирались в его кабинет и подолгу рассматривали фотографии на стенах, книги на полках, какие-то странные фигурки из бронзы, и глины, и дерева, и кости.

На одной статуэтке художавый дядька сидел, подвернув под себя по-турецки ноги, и было у него почему-то множество рук — штук двадцать. На другой — за спиной у женщины торчали крылья.

На подставках стояли почерневшие сосуды с трещинами и отбитыми краями (Венька называл их красиво — «амфо-

ры»), на стенах висели глиняные плитки-таблички с глубоко вдавленными цепочками каких-то непонятных букв и значков.

— Только руками не трогай, — говорил Венька. — А то отец заругается.

Но и без рук было очень интересно. Как в музее. Тем более, с Венькиными комментариями.

— Вот это — гробница царя Тутатхамона, — показывал он фотографию. — Когда её откопали, так одного золота нашли девять килограммов.

— А это — табличка с острова Пасхи. Видишь надпись? Её никто в мире не может прочитать. Сколько лет стараются, а не прочесть.

— А вот это — кремнёвый наконечник копья.

Потом они обычно забирались на огромный кожаный диван в кабинете отца и разговаривали. Долго. Обо всём.

Вот и сегодня. Посмотрели музей. Залезли на диван.

— Очень обидно? А? — спросил Венька.

Юла пожал плечами. Чего уж... Ясно...

— Ты всё-таки не кисни, — сказал Венька. — Суворовское — это бы, конечно, хорошо. Но двадцатый век — это знаешь какой век? Это век науки! Давай станем учёными. Физиками. А? Вторая половина двадцатого века — это эпоха физики и математики. Давай?

Юла усмехнулся.

Хорошо Веньке. Он ещё в четвёртом классе про логариф-

мы знал. И про интегралы. Такой уж человек. Недаром физик сказал: «Ясная голова». Веньке сам бог велел быть учёным.

Ну а у него, у Юлы, никаких особых научных данных. И к тому же: разве нельзя быть сразу и учёным и силачом?

Он так и сказал Веньке.

— Можно, конечно, — согласился тот. — Но трудно. Двадцатый век — это знаешь какой век? Это век узкой спе-

циализации. Я где-то читал, что в двадцатом веке всесторонних гениев нет и быть не может. Таких, например, как Леонардо да Винчи. Или Ломоносов. Чтоб сразу и поэт, и физик, и художник, и химик, и изобретатель.

Юла задумался.

— А всё-таки противно, — сказал он. — Обидно быть таким вот... Доходягой. Слабаком. Дистрофиком. Мужчина же! А вот, допустим, я вырасту. И вот, допустим, у меня

невеста. А её какой-нибудь Витька-Башня оскорбит. А я, мозгляк, значит, и защитить не смогу? Так?

Венька пожал плечами.

— Гармоничное развитие, — сказал он. — Это, конечно, превосходно. Об этом ещё древние греки писали.

«Всё-то он читал, всё знает, — мелькнуло у Юлы. — А я?..»

— У них даже были такие специальные сады, — продолжал Венька. — Там мудрецы неторопливо вели философские беседы, закусывая всякими апельсинами и виноградом. А потом метали диск и копье, бегали и плавали. Потом опять поговорят о чём-нибудь умном, а потом опять побегают, поплавают. Гармония! Одинаковое развитие ума и мускулов.

— Во! — обрадовался Юла. — Чес-слово, эти древние мне определённо нравятся.

Он вскочил с дивана.

— Вот ты, Венька, может, не поверишь. А я, чес-слово, я бы полжизни отдал, чтоб только быть не хлюпиком таким вот. А силачом. Как Али-Махмуд-Хан. Или хоть наполовину. Хоть на четверть таким...

ПРОШЛО недели три.

Однажды Венька во дворе подошёл к Юле. Лицо у Веньки было торжественное и загадочное.

— Пошли, — сказал он.

— Куда?

— Пошли, пошли. Не пожалеешь.

Вид у Веньки был необычный и таинственный. Юла

лишь пожал плечами и зашагал за приятелем.

Прошли по Четвёртой линии, потом — по Большому проспекту. Ещё свернули. И остановились. На углу, прямо к стене дома, было прилеплено объявление.

— Вот! — сказал Венька. — Изучай.

И Юла прочитал:

— «Ребята! Записывайтесь в детскую спортивную школу. Будут работать секции футбола, хоккея, гимнастики...»

Дальше перечислялись ещё несколько секций и был указан адрес школы (тут же, неподалёку).

— Ну?! — воскликнул Венька. — Специально для тебя!

Юла молчал. Это было так неожиданно. И так здорово!

— Никогда о таких школах не слышал, — растерянно пробормотал он.

Венька пожал плечами. Вообще-то он тоже никогда не слышал о спортивных школах. Но вот же объявление. Значит, есть такие.

Ребята не знали, что это открывалась первая спортивная школа. Первая во всём Ленинграде.

— А как думаешь? — спросил Юла. — Сразу идти туда? Прямо сейчас? Или подождать?

— А чего ждать? Всяких-разных гавриков знаешь сколько набегит? Завтра придёшь, скажут: мест уже нет. И приветик!

Ребята вприпрыжку поспешили в спортивную школу.

Когда уже подошли к школе, Юла спросил:

— А ты? Тоже поступишь?

— Нет. Спорт — это не для меня. К сожалению... — Венька хмуро поправил очки.

Здание спортшколы было старое, облупленное. Когда-то, до войны, здесь размещался рыбный техникум. Дом пострадал от бомбёжки и долго стоял пустой. Техникум куда-то переехал. А теперь этот дом слегка подремонтировали и приспособили под спортшколу.

Ребята постояли у широкого, облицованного гранитом входа. Полированные каменные плиты были словно изрыты оспинами — следы от осколков снарядов.

Вошли. В школе пусто, прохладно. Мальчишки пошли наугад, по коридору налево.

На одной из дверей висела табличка: «Старший тренер».

— Войдём? — шёпотом спросил Венька.

Юла осторожно постучал в дверь.

— Входи, входи!

За столом сидел высокий, очень симпатичный мужчина. Вид у него был самый что ни на есть спортивный. Синяя тренировочная фуфайка с круглым воротом, синие трикотажные брюки. Лицо загорелое, нос крупный, орлиный, и глаза тоже орлиные — чёрные, пронзительные. А под облегающей тело фуфайкой легко угадывались литые мускулы.

— Ну? — сказал мужчина и добродушно улыбнулся. — Что скажете, юные друзья?

Юла, оробев, молчал.

— Мы к вам, — выступил вперёд Венька. — Мы хотим в спортшколу.

— Так, — тренер внимательно оглядел Веньку и Юлу. Щупленькие, низкорослые, хилые...

— Так, — повторил тренер. — Значит, в спортшколу? Оба?

— Нет, — сказал Венька. — Вот он. Один.

— А чего он молчит? — спросил тренер. — Проглотил язык?

Потом спросил уже серьёзно:

— В какую же секцию ты нацелился?

Вопрос застал Юлу врасплох. Ему было безразлично, в какую. Лишь бы стать сильным.

Он молчал. Переступал с ноги на ногу и молчал.

— Видите ли, — вступил в разговор Венька. — Юлий Богданов давно мечтает укрепить мускулатуру. А вообще-то он — и в футбол, и на лёгкую атлетику... Можно и коньки...

— Понятно, — сказал тренер.

Он встал из-за стола — высокий, плечистый — и направился к дверям.

— Пошли, — кивнул мальчишкам.

Втроём они прошли по коридору и оказались в спортзале.

— Ну вот, — сказал тренер. — Покажи, что ты умеешь.

Он подошёл к перекладине.

— Ну-ка, подтянись. Раз пять сможешь?

Перекладина была высоко. Юла подпрыгнул — не достал. Снова подпрыгнул — и опять не достал. Тогда тренер взял его обеими руками за талию — раз! — и подкинул к перекладине. Юла повис. Нет, он знал, пять раз ему ни за что... Ну, хотя бы разика три...

Он собрал все силы и стал медленно, с огромным напряжением подтаскивать тело к сверкающей металлической палке. Но собственное туловище вдруг стало словно чужим: таким неуклюжим, таким грузным, как мешок, набитый камнями. Юла дёргался, извивался, корчился, но в конце кон-

цов всё же дотянулся подбородком до холодной перекладины.

Он сразу расслабился, тело скользнуло вниз и повисло на вытянутых руках. Так висеть было легко и приятно. Висел бы и висел...

«Ну, передохнул и хватит, — сказал себе Юла. — Ну, ещё раз...»

Он сказал это строго. И напрыг мускулы рук и шеи, и плеч. Но тело почти не поднялось кверху. А руки так мерзко дрожали. И плечи тоже бил озноб.

«Ну! — велел себе Юла. — Ну же! Умри, а дотянись!»

Он собрал все остатки сил, всё своё мужество. Напрягся так, будто сейчас, вот сию секунду решалось: жить ему или умереть.

И он второй раз коснулся подбородком перекладины.

Но тут силы вовсе оставили его. Как тюфяк, плюхнулся он вниз.

— Да... — сказал тренер. Он смотрел куда-то мимо Юльки.

— Такие вот пироги, — сказал тренер.

Он постоял, подумал.

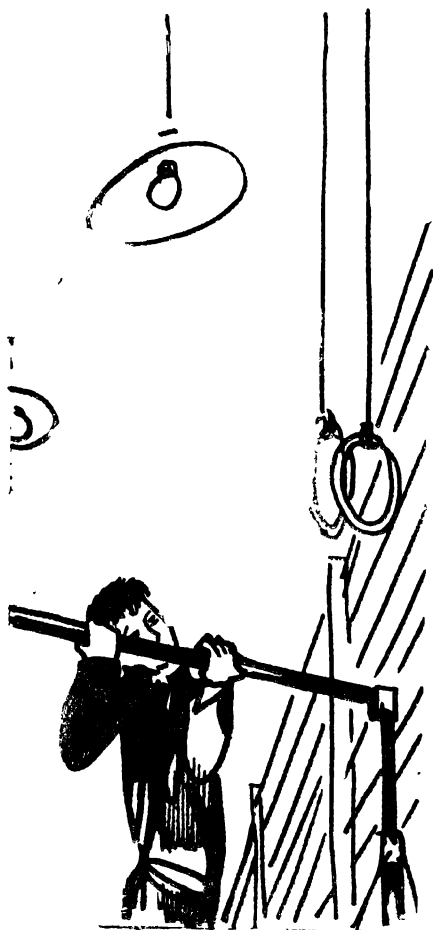
— Ну что ж, мальчики, пойдёмте ко мне.

И опять они пошли по коридору.

В кабинете тренер пригласил ребят сесть и сказал:

— Как вы думаете, мальчики, зачем мы открываем спортивную школу?

Вопрос был из тех, которые Венька люто ненавидел. Это был даже не вопрос, потому

что любому первокласснику ясно, зачем спортивные школы.

Юла и Венька промолчали.

Но тренер, видимо, и не ждал от них ответа.

— Мы открываем спортивные школы, мальчики, — сказал он, — чтобы растить достойную смену нашим прославленным чемпионам. Растить новых мастеров, которые ещё выше подняли бы знамя советского спорта.

Тренер остановился, приятно улыбнулся и чёрными, острыми глазами оглядел ребят. Согласны ли они? Не желают ли что-нибудь возразить?

Юла и Венька молчали.

— Поэтому к нам в школу мы отбираем самых одарённых, самых талантливых ребят, — продолжал тренер. — Самых перспективных. Понятно?

Юла и Венька молчали. Чего уж тут не понять?!

— И учтите: сверху, — тре-

нер указал пальцем куда-то в потолок, — сверху нам спущен точный план. И с нас потребуют. Ещё как потребуют! Чтобы мы каждый год давали восемнадцать перворазрядников. Не меньше! Вот какие пириги!..

Он дружелюбно улыбнулся. Повернулся к Юльке:

— А ты, мальчик, не огорчайся. Принять тебя мы, конечно, не можем. Сам понимаешь... Бесперспективный ты. Но не унывай. Занимайся физкультурой дома и у себя в школе. Закаляйся, как сталь!

Тренер снова улыбнулся и потрепал Юльку по плечу. Был он такой симпатичный и добродушный и такой спортивный в своём синем тренировочном костюме. Загорелый, мускулистый.

Ребята вышли в коридор.

— Дрянь! — хмуро пробормотал Венька. — Какая крупная дрянь!

(Продолжение следует)

Приговор

Я хлеб украл. Я — вор!
Вор! Вор!..

Сейчас
Объявят
Приговор...

Известна мне судьба моя.
Я — вор, и потому:
«Джек Смит, —
Объявит мне судья, —
Джек Смит,
Пойдешь в тюрьму!»
Жандармы схватят, уведут...
А я и рад, признаться:
Мне надоел бесплодный труд —
Искать работу и приют,
По всей стране скитаться.
Тюрьма — беда невелика.
В тюрьме не будет хуже.
Тюрьма спасёт наверняка
От голода и стужи.
Бездомный, нищий человек
Получит пищу и ночлег!
Тюрьма — мой дом.
Судьба моя.
Мой бог решил помочь...

— Джек Смит!
— Да, да, преступник я...
— Джек Смит!
— Да, господин судья...
— Ступай
Отсюда
Прочь!

Мистер Грэй

Рисунки С. Иванова

Солидный важный мистер Грэй
 Шагнул по тротуару,
 Махая тросточкой своей,
 Держа во рту сигару.
 И вот увидел он: идёт
 Какой-то чернокожий.
 Идёт и руку подаёт
 Гражданке с белой кожей...
 Как возмутился мистер Грэй!
 Как всё в нём закипело!
 Он, мистер, должен поскорей
 Вмешаться в это дело...
 — Эй, черномазый, как ты смел?!
 А ну ступай, покуда цел! —
 Он закричал со злостью
 И замахнулся тростью.
 Но вдруг услышал:
 — Господин,
 Горячий пыл умерь-ка:
 У нас для всех закон один.
 Россия — не Америка! —
 Подумал: «Что за ерунда:
 У них равны — и он, и я!..
 Да я не видел никогда
 Такого... беззакония!»
 Подумав так, заморский гость
 Выплюнул сигару.

Мелькает мистерова трость,
 Стуча по тротуару...

М а с т е р

Что за мастер —
 дядя Том!
 Может он построить
 дом,
 Сшить костюм,
 Сварить обед,
 Сделать стол
 И табурет;
 Может он чинить часы,
 Может людям стричь
 усы... —
 Всем способностям его
 Нет, пожалуй, счёту!
 Он не может одного:
 Получить работу.

1. ТАЙНСТВЕННЫЙ НЕЗНАКОМЕЦ

В дачном поезде, который шёл из Ленинграда в Лодейное Поле и в котором ехали: Вова с папой, бабушка с поросёнком, человек с баяном, тракторист с девушкой, ещё ехал: неизвестный в тёмных очках и клетчатом пальто.

Всю дорогу папа приглядывался к неизвестному, а потом вдруг как закричит:

— Игорь Петрович!..

— А? — ответил было неизвестный. Но потом приложил палец к губам и таинственно произнёс: — Тсс...

— Почему? — удивился папа.

— А потому, — ответил неизвестный.

И тут только папа вспомнил, что Игорь Петрович ужасно не любит, когда его узнают.

— Вы хотите, чтобы я вас не узнавал? — спросил папа.

— Да, — ответил неизвестный.

— Ага, — сказал папа.

И, видя, что Вова ничего не понимает, добавил:

— Идём в тамбур, я тебе всё объясню...

В тамбуре папа сказал:

— Разве ты не знаешь, что Игорь Петрович — муж моей тётки?

— Нет, — сказал Вова.

— Теперь знай. Бедняга, такая жара, а он в пальто...

— А чего же он в пальто?

— Иначе его все узнают. Сейчасто он на пенсии, а раньше... он шагу не мог ступить без этого пальто. И хотя его всё равно узнавали (ничего не поделаешь — слава), не мог же он каждый день менять пальто! Но теперь его немногие знают... Ты книжку про Шерлока Холмса читал?

— Нет, — сказал Вова.

— Как же так? — сказал папа. — Это же книжка про замечательного сыщика. Знаешь, какой он был? Почти такой же, как Игорь Петрович. Сейчас я тебе всё объясню. Допустим, у бабушки из нашего вагона пропал поросёнок.

— Куда пропал? — спросил Вова.

— Неизвестно, — сказал папа. — Просто пропал. Куда-нибудь. Вышел на остановке и пропал. И никто этого поросёнка не может найти. Тогда что все делают?..

— Зовут милицию, — сказал Вова.

— А если милиция не может?

— То есть как не может? — удивился Вова.

— Короче говоря, — сказал папа, — в таких случаях зовут Игоря Петровича. И он этого поросёнка немедленно находит.

— Где? — спросил Вова.

— Не знаю, — сказал папа. — Где-нибудь да находит.

— Обязательно? — спросил Вова.

— Обязательно, — сказал папа.

— Тогда, — сказал Вова, — сейчас мы вернёмся в вагон, и я спрошу у него про поросёнка...

— Потом, — сказал папа. — Сейчас мы вернёмся и будем делать вид, что Игоря Петровича не знаем. Это сейчас главное...

Они вернулись в вагон и принялись делать вид, что Игоря Петровича не знают. А он сидел — толстый, маленький и, посапывая, ел яблоко.

«Странно, — подумал Вова, — такой маленький... как же он может найти поросёнка?»

И тут вдруг обнаружил на своих коленях яблоко.

«Странно, — ещё раз подумал Вова, — если он ест яблоко, значит, это его яблоко, а если это его яблоко, значит, это он мне его подложил...»

Так оно и было.

— Не правда ли, сегодня хороший денёк? — ни к кому персонально не обращаясь, сказал между тем папа, и каждому стало ясно, кому он это говорит.

— Угу, — тоже ни к кому персонально не обращаясь, ответили незнакомец и Вова.

— А вы не находите, что этот поезд идёт слишком быстро? — опять спросил папа.

— Угу, — снова ответили незнакомец и Вова.

Так, продолжая есть яблоки, они делали вид, что совершенно друг друга не знают, и это у них неплохо получалось.

Но тут в поезд вошел контролёр.

2. КОНТРОЛЁР

Это был совсем ещё молодой контролёр, который ещё не совсем хорошо изучил правила. Как известно, в каждом поезде есть «Правила». Они висят, припиленные, на задней стенке. Но в этом поезде, в связи с изменением правил, они не висели.

Увидев в мешке поросёнка, контролёр сначала радостно засмеялся, потом почесал поросёнка за ухом, а потом вдруг вспомнил, зачем он сюда пришёл, и строго спросил:

— Прошу показать билетики. Благодарю вас.

И принялся ловко щёлкать специальной машинкой, которая пробивает билеты, и щёлкал до тех пор, пока не обошёл всех. Тут он снова остановился возле бабушки, хотел спросить, чем она кормит поросёнка, но вместо этого неожиданно для самого себя сказал:

— А есть ли на поросёнка билет?

— Он молочный, — сказала бабушка и вытащила из кармана соску.

— Это не доказательство, — сказал контролёр.

И хотел поскорее бежать из вагона, но его остановил баянист.

— А с каких это пор на поросёнка надо покупать билет? — спросил баянист. — Мой баян... (он вытащил из футляра свой баян), как вы видите, в два раза больше бабушкиного поросёнка. Однако я не покупаю на свой баян билет.

Контролёр посмотрел на баян и почесал у себя за ухом.

«Нет, — подумал он, — надо поскорее бежать из этого вагона...»

— Надо посмотреть в «Правилах», — наконец, сказал он.

— Разумеется, — сказал папа. — Кто не знает правил, тот не может работать контролёром. Но у вас тут, к сожалению, не висят «Правила».

— А не зная правил, нельзя садиться за трактор, — сказал тракторист.

— Но ты ведь хорошо знаешь правила и хорошо работаешь на тракторе, — сказала девушка.

Она подумала, что это обижают её тракториста.

— Не обо мне идёт речь, — сказал тракторист.

— А ведь ему ещё двух недель нету, — сообщила бабушка.

Это она сообщила про поросёнка.

Услышав всё это и сообразив, что так просто ему не уйти, контролёр спрятал свою пробивочную машинку, сказал, что лично против бабушки ничего не имеет и напросно пассажиры стараются всё в таком свете изобразить, но если уж они заговорили о правилах, то правила есть правила и он пойдёт совещаться по этому поводу к бригадиру.

— Бригадир уже тридцать лет работает бригадиром и все правила давно знает. И тогда посмотрим, кто прав.

— Так-то будет вернее, — сказал папа. — Надо идти к тому, кто всё знает.

И вместе с баянистом пожелал контролёру счастливого пути.

— Ссадят, — сказала бабушка. — Как пить дать, ссадят...

— А зачем он приставал к вашему поросёнку? — как все обидчивые люди, баянист был подозрителен.

— Давайте всё взвесим, — сказал папа и достал карандаш.

— Нет, — сказал тракторист. — Не надо ничего взвешивать. Я бригадира знаю. Он не ссадит.

Это всех немного успокоило, и тут вдруг Вова подумал: «А если ссадят?»

И он представил себе на пустой платформе одинокого поросёнка. Накрапывает дождь. Уходит поезд. А одинокий поросёнок стоит под этим дождём и не знает, куда идти.

3. ИСЧЕЗНОВЕНИЕ ПОРОСЁНКА

Через полчаса контролёр вернулся вместе с бригадиром поезда.

К этому времени в вагоне произошли следующие важные перемены:

тракторист, девушка и папа сидели рядышком, и тракторист рассказывал папе, какие надо сделать изменения в тракторе, чтобы трактор ещё лучше работал.

А папа все эти советы тщательно записывал, потому что как раз строил эти тракторы, и ему тоже хотелось, чтобы они ещё лучше работали.

В другом углу бабушка, баянист и незнакомец ели помидоры. Правда, помидоры больше ел незнакомец, а бабушка и баянист разговаривали.

— Точно установлено, — сказал баянист, — что микробов на Луне нету.

— Как же это нету? — беспокоилась бабушка.

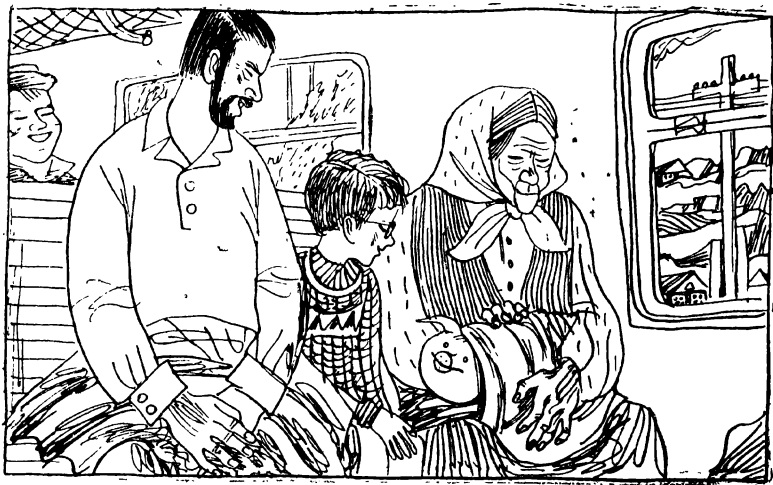
— А так. Нету. Да и зачем они нам нужны? Когда мы будем осваивать Луну, безмикробные пространства нам очень пригодятся. А как вы думаете, профессор?

— Я не профессор, но я думаю точно так же, — с трудом прожёывая помидор, ответил незнакомец.

Он в это время поглядывал на Вову, который, всеми покинутый, листал книжку, и на поросёнка, который лежал под лавкой.

И вот тут-то вошёл контролёр.

— По «Правилам», — торжественно сказал контролёр (и все сразу посмотрели в его сторону), — поросёнок может бесплатно ехать в поезде.

Я пришёл это специально объявить, чтоб вы не думали, что я к вам придираюсь. У меня это случайно вышло.

— Ура! — сказал папа.

— Да здравствует контролёр! — сказал баянист.

И по просьбе девушки и тракториста сыграл туш.

— Ну, вот и хорошо, — сказала бабушка и, радостная, засеменила к поросёнку. — Сейчас мы его покормим... наше время пришло...

— А вы чем его кормите? — спросила девушка.

— Молоком, — сказала бабушка.

Девушка вместе с бригадиром и контролёром тоже пошла посмотреть.

Они все четверо заглянули под лавку, где должен был находиться поросёнок, и тут на весь вагон раздался бабушкин голос:

— Где поросёнок? Поросёнка нет!

Все замерли, потому что отчётливо поняли значение услышанного. Да и как было не понять: на полпути из Ленинграда в Лодейное Поле из-под лавки таинственным образом исчез двухнедельный пятнистый поросёнок.

**ИЗНАЙТЕ
4. ПОРОСЁНКА!**

Руководство операций по розыску поросёнка в первые полчаса взял на себя бригадир. Он стоял посреди вагона, в форменной тужурке и в форменной фуражке, и отдавал остальным приказания, где искать. Остальные заглядывали под лавки и в тамбур, простукивали стены и пол. Наконец бригадир, под свою личную ответственность, приказал отвинтить плафоны.

— Если он такой маленький, — сказал бригадир, — то он мог спокойно залезть в плафон.

— Вполне вероятно, — наблюдая за всем этим, сказал незнакомец.

Но в плафоне поросёнка не оказалось. Тогда бригадир сел и вытер со лба пот.

Тут руководство операцией взял на себя баянист. Человек подозрительный, он первым делом предложил всем присутствующим вывернуть карманы. Как и следовало ожидать, поросёнка в карманах не оказалось.

Тут выступила вперёд девушка и сказала, что, может быть, поросёнок провалился в щель: ведь он такой маленький!

Бригадир с контролёром немедленно принесли фонарь, а тракторист прополз по всему полу, но ничего не заметил.

— Дорогая, — сказал он и поправил свою шапочку с цифрой «5», — здесь нет ни одной щели...

— Странно, — сказал папа.

— Очень, — сказала девушка.

И все сочувственно посмотрели на бабушку, которая сидела в углу и уже мысленно прощалась со своим поросёнком.

— Он был не простой, — сказала она. — Он был от медалистки.

— Вы хотите сказать, — сказал папа, — что мама поросёнка получила Большую Золотую медаль на Большой сельскохозяйственной выставке?

— Да, — ответила бабушка.

— В таком случае, — сказал бригадир и властно поправил на своей голове форменную фуражку, — я прикажу остановить поезд.

— Зачем? — спросили все.

— Чтобы проверить, не вышел ли поросёнок на предыдущей остановке.

— Это не по «Правилам», — важно сказал контролёр.

— Опять ты со своими правилами? В исключительных случаях ими можно пренебречь. А кстати, кто оставил открытой дверь на предыдущей остановке?

— Я, — сказал контролёр и виновато посмотрел на окружающих.

И все поняли, кто был истинным виновником исчезновения поросёнка, — контролёр, который оставил дверь.

— Я исправлюсь... — начал контролёр.

Но его запоздалое признание никого не обрадовало.

— Если уж всё так случилось, — сказала девушка, — давайте не будем искать виноватого, давайте лучше выйдем на следующей остановке и купим бабушке нового поросёнка.

— Да, это было бы только справедливо, — сказал папа.

— Я один могу купить, — сказал контролёр.

И уже направился было, но его удержала бабушка:

— Захудалый поросёнок-то... да, может, и не ты виноват-то?

— Я, — сказал контролёр.

— А чем ты докажешь, что ты?

— Действительно, — сказал папа.

— Но если не ты, тогда — кто? — Это спросил бригадир.

— Есть, — с готовностью сказал бригадир, потому что сразу узнал Игоря Петровича.

— Тогда, — сказал Игорь Петрович и оглядел всех присутствующих, — я, пожалуй, пойду...

— А можно, я с вами? — сказал Вова.

— Вытащи сначала руки из карманов... — сказал папа.

Он боролся с этой дурной привычкой, но никак не мог Вову победить.

— И я, если можно, пойду, — сказал тракторист.

— Конечно, конечно, — ответил Игорь Петрович. — Мы вернёмся через полчаса. А вы не грустите, — сказал он бабушке. — Мы найдём

— Есть только один путь выяснить, где поросёнок, — сказал папа.

— Какой? — сразу спросили все.

Папа молча посмотрел на незнакомца, и все увидели, как незнакомец снимает свои тёмные очки и своё клетчатое пальто.

5. СОВЕЩАНИЕ

— Ну-с, — сказал незнакомец и пригладил свои седые волосы, — начнём, пожалуй, с того, что зовут меня Игорь Петрович. У вас есть свободное купе? — обратился он к контролёру.

вашего поросёночка. Кстати, какие это были помидоры, которые я ел? Астраханские?

— Астраханские, — ничего не понимая, сказала бабушка.

— Вкусные, — задумчиво вздохнул Игорь Петрович.

— Это у него такая манера работать, — шепнул бригадир. — Говорит о помидорах, а сам в это время уже думает о поросёночке...

Тем временем Вова, тракторист и Игорь Петрович прошли в служебное купе и, тщательно сдув пыль, сели на диван.

— Давайте сначала взвесим все «за» и «против», — сказал Игорь Петрович. — Что у нас есть? Девять

пассажиров и замкнутое пространство — вагон.

— А когда мы будем поросёнка искать? — спросил Вова.

— Сейчас, — сказал Игорь Петрович.

— Жалко, что здесь нет контрольно-следовой полосы, — сказал тракторист.

— Это зачем? — спросил Вова.

Он уже знал из книжек о пограничниках, что контрольно-следовая полоса — такой участок, который тянется вдоль границы, хорошо вспаханный и хорошо подметённый, и если шпион нарушает границу, он обязательно оставляет на этой полосе следы.

— Тогда бы мы видели, куда ушёл поросёнок, — сказал тракторист. — Он бы шёл по контрольно-следовой полосе и оставлял следы.

Игорь Петрович внимательно посмотрел на тракториста и сказал:

— Да, но поросёнок никуда не ушёл.

— А где он? — спросил Вова.

— В поезде.

— Но мы же всё проверили! — сказал Вова. — Мы даже заглядывали в плафоны. Мы даже...

— Ну и где же тогда ваш поросёнок? — Игорь Петрович насмешливо оглядел тракториста, а потом так же насмешливо посмотрел на Вову. — Говорите. Давайте взвесим все «за» и «против». И если ваши предположения окажутся верными, я охотно приму их.

— А у вас уже есть свои предположения? — спросил тракторист и с любопытством посмотрел на Игоря Петровича.

— Да, — сказал тот.

— Его съел волк, — сказал Вова.

Тракторист откашлялся и строго поглядел на Вову:

— Было так. На перегоне Паша — Оять, когда мы все ели помидоры...

— Я не ел, — сказал Вова.

— Когда некоторые из нас ели помидоры, некто, до сих пор не обнаруженный, сманил от нас поросёнка.

— Как? — спросил Вова.

— Например, сквозь стеклянную дверь показал ему бублик.

Игорь Петрович достал из кармана блокнот и принялся что-то в нём рисовать.

— Говорите, говорите, — сказал он.

— Мое предположение тем более верно, — продолжал тракторист и тоже достал блокнот, — что именно на том перегоне я увидел поросёнка, которого вели куда-то на верёвочке...

— И я видел, — восторженно воскликнул Вова.

— Я тоже, — сказал Игорь Петрович. — Но тот поросёнок был белый, а наш — пятнистый: серый с чёрным.

— Покрасили его, покрасили, — сказал Вова.

— Когда? — спросил Игорь Петрович.

Этого Вова не знал.

— Недавно, — сказал тракторист.

— Из пульверизатора, — добавил Вова.

Игорь Петрович закончил вычерчивать в блокноте и отложил его в сторону. И тракторист тоже закончил вычерчивать и тоже отложил свой блокнот в сторону.

— А что вы рисовали? — спросил Вова.

— Наш вагон. Все скамейки и кто из пассажиров на какую скамейку пересаживался. Так сказать, маршрут каждого по всему вагону, — объяснил Игорь Петрович.

— А если я никуда не пересаживался? — спросил Вова.

— Значит, на нашем плане ты сидишь там, где сидел... Вот, возьми это и пусть папа рассадит пассажиров так, как тут нарисовано. А я сейчас приду...

Вова взял план, ожидая увидеть там поросёнка, но поросёнка не было.

«И никогда он его не найдёт, — подумал Вова. — Кто же так ищет поросят?»

И пошёл отдавать папе план.

**ВСЕ УСПОКАИВАЮТ
БАБУШКУ**

— Никто не знает, где он, — сказала бабушка, — и этот лысый тоже... «Лысым» она совершенно неспра-

ведливо назвала Игоря Петровича. И ещё ей было непонятно, зачем папа рассказывает всех в том порядке, в каком это просил сделать Игорь Петрович, потому что, по мнению бабушки, поросёнку этим не помочь.

— Зря я ему только доверилась, — сказала бабушка.

— Верно, — сказал Вова.

— Владимир, — сказал папа, — во-первых, вынь руки из карманов, а во-вторых, не путайся под ногами...

— Зря вы, мамаша, так говорите, — укоризненно сказал бригадир. — Про Игоря Петровича в книжке написано... и у него самого есть книжки...

— Это про что? — спросила бабушка.

— О том, как поросят искать.

— Не найдёт он поросёночка, — сказал Вова.

— Владимир! — сказал папа.

— Нехорошо, — сказал бригадир, — шутить над старым человеком. Я про Игоря Петровича такую историю знаю...

— Какую? — спросил Вова.

— Но, может, её все знают...

— Не знаю, — сказала бабушка, — и не хочу слушать. Мне поросёночка давай. Иди сюда, внучек, — сказала она Вове, — посидим рядом.

И за то, что Вова усомнился в способностях Игоря Петровича, дала Вове яблоко.

— Рассказывают, — начал бригадир, — что однажды Игорь Петрович...

— А вдруг Игорь Петрович на меня подумает? — спросила вдруг девушка и даже привстала со скамейки.

— Что подумает? — не понял папа.

— Ну, что я взяла поросёночка...

— Такого не может быть, — сказал папа. — И потом, где он у вас, поросёночек?

— Действительно, — проснулся баянист.

А проснулся он от того, что ему вдруг привиделось, что Игорь Петрович по ошибке думает на него, на баяниста.

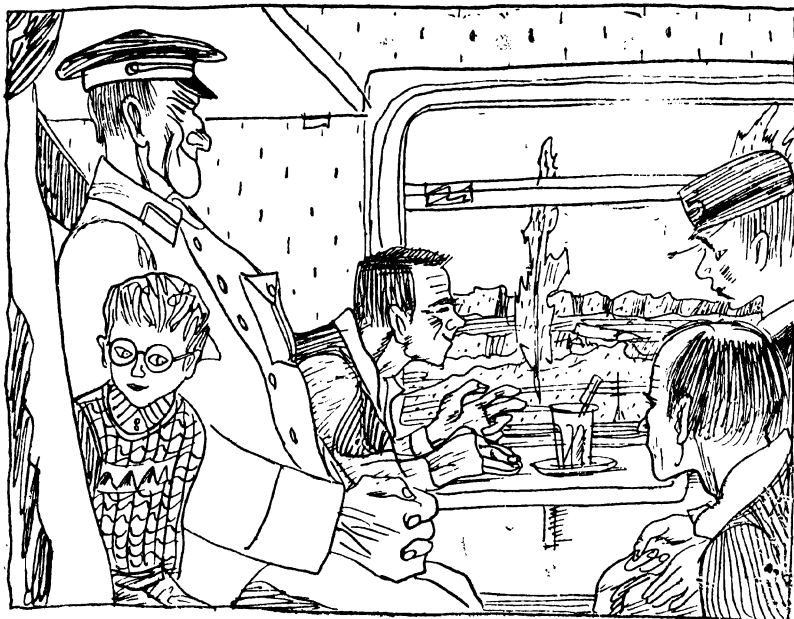
— Ни у меня, ни у вас нет поросёночка...

— И у меня нет, — сказал контролёр.

И на всякий случай вытащил пробивочную машинку, тем самым показывая, что у него нет поросёнка.

— Так у кого же поросёночек? — спросила бабушка.

— Может, вы думаете, у меня? —

возмущённо спросил папа, видя, что все на него смотрят. — Где он у меня, поросёночек?

Но никто и не думал на папу.

А бригадир на всякий случай сказал, что его вообще в то время не было в вагоне.

— Значит, кто остался? — спросила бабушка (она решила взять в свои руки поиски поросёночка). — Этот ваш Игорь Петрович... Тракторист...

— Саша? — возмущённо спросила девушка. — Да зачем ему поросёнок?

— Нет, — сказал бригадир, — это не тракторист. На нём одна майка, ему некуда деть поросёнка.

— И не Игорь Петрович, — напомнил папа. — Тогда кто?

— А ты у всех проверял билеты? — спросил бригадир.

— У всех, — сказал контролёр.

И ещё раз пересчитал пассажиров в вагоне.

— Но что же рассказывают про Игоря Петровича? — спросил папа.

Ему не терпелось услышать что-нибудь такое, чего он не знал.

— Однажды... — во второй раз начал бригадир.

Но тут в вагон вошли тракторист и Игорь Петрович.

7. СЕМЬ ВАРИАНТОВ ПОИЩЕНИЯ ПОРОСЁНКА

— Где же поросёнок? — спросила бабушка, видя, что в руках у Игоря Петровича ничего нет.

— Сейчас, — сказал Игорь Петрович, — потерпите немножко. Я бы хотел сначала, чтобы каждый из нас (а время подумать у вас было!) предложил свою версию исчезновения поросёнка. Две версии мы уже знаем...

— Это какие же? — спросил папа.

Все посмотрели на Игоря Петровича, и тот сказал:

— По предположению Вовы, поросёнка съел волк.

Папа немедленно засмеялся и сообщил, что это не Вовина версия: Вова прочитал об этом в известной

книжке, а теперь выдаёт за свою версию.

— Я не читал, это мне читали, — внёс поправку Вова.

— Неважно, — сказал папа.

— А вторая версия? — спросила девушка.

— Вторую нам сообщил Саша, — и Игорь Петрович, улыбаясь, посмотрел на тракториста. — По его версии, нашего поросёнка сманили с помощью бублика...

Теперь засмеялся тракторист, а девушка сказала: если так, то она тоже готова сообщить свою версию.

— Спасибо, но потерпите немного, — сказал Игорь Петрович, — начать, вероятно, нужно с бабушки...

Бабушка строго посмотрела на окружающих и спросила:

— Это что же, мне самой надо придумывать, куда исчез мой поросёнок?

— Именно так, — сказал папа. — А следующим будете вы, — сообщил он баянисту.

Баянист немедленно отошёл в сторону, зажал уши руками и стал готовить свою версию.

— Значит, так, — сказала бабушка и посмотрела в мешок, где прежде сидел поросёнок. — В нашем вагоне, вместе с нами, только вы не смейтесь, ехал кто-то лишний. Он сидел под лавкой и ел семечки. Когда же я давала вот этому гражданину помидоры... — и бабушка укоризненно указала на Игоря Петровича... — лишний прополз под лавкой и был таков... А? Неплохо я придумала? — спросила бабушка.

И все нашли, что неплохо.

— Разрешите мне, — сказала девушка. — Поросёнок сидел в мешке, и всё было хорошо, пока он не подумал о своей маме. А подумал он примерно так: «Я уехал далеко от дома, и даже не сказал об этом своей маме. Надо, пожалуй, вернуться и сказать». И он ушёл. Но он вернётся.

— Всё было по-другому, — возразил баянист и решительно указал на контролёра. — Когда вот этот человек вошёл и стал требовать билет с поросёнка, поросёнок уже понял, чем

это может кончиться. На ближайшей станции он порывлся у себя в карманах и пошёл покупать билет. И отстал, дорогие товарищи, от поезда. Я кончил.

Довольный баянист уселся на лавку и сдул пыль со своего баяна.

— Я ещё не такое могу придумать, — сообщил он Вове.

— И я, — сказал Вова.

— Ну, а вы? — спросил Игорь Петрович папу.

Папа грустно обвёл всех глазами:

— Всё было намного сложнее и проще. Поросёнок, увы, не ехал в нашем поезде.

— То есть как не ехал? — ахнула бабушка.

И все остальные сказали:

— Кто же тогда, по-вашему, ехал? Мы же видели! Мы ему за ушами чесали!

— Вы меня не совсем правильно поняли, — сказал папа. — И мы, и бабушка видели поросёнка. Но мы стали жертвами временной галлюцинации...

— Чем мы стали? — спросил Вова.

— Жертвами галлюцинации. Это когда тебе и другим что-то кажется, а на самом деле этого нет, — пояснил папа.

— Неплохо, — одобрил Игорь Петрович. — А что скажет контролёр?

— Я целиком и полностью признаю свою вину, — сказал контролёр и зачем-то снял свою новенькую форменную фуражку. — К следующему понедельнику я обещаю купить бабушке нового поросёнка.

Бригадир немедленно заглянул в карманный календарь и сообщил, что так оно и будет: в понедельник у контролёра намечается получка.

— Итак, — сказал Игорь Петрович, — подведём итог. Никто из вас не угадал, где поросёнок.

— Кроме меня, — сказал тракторист.

— Да, кроме Саши. Мы тысячу раз ходили вокруг поросёнка, но так и не заметили его. А вот он...

С этими словами Игорь Петрович направился к футляру от баяна и открыл крышку.

**МАСТЕР
СВОЕГО ДЕЛА**

— Поросёнок! — закричали все.

И точно: на дне футляра весело дремал поросёнок.

Все осуждающе поглядели на баяниста.

— Это роковая ошибка! — вскричал баянист. — Это не я! — И простёр руки, призывая в свидетели свой баян.

— А кто? — сурово спросили все.

— Это я, — начиная всхлипывать, сказал Вова.

— Ты?! — спросил ошеломлённый папа и тяжело опустился в своих белых штанах на скамейку.

— Такой тихий мальчик... — сказала девушка. — Нет, никогда я не буду учительницей, я уже сейчас вижу: мне с ними не справиться.

— Тише! — строго сказала бабушка. — Во-первых, что вы все навалились на мальчика... — и она погладила Вову по голове. — А во-вторых, не разбудите поросёнка.

— Вы с самого начала это знали? — спросил папа.

— Нет, — ответил Игорь Петрович, — с самого начала я этого не знал.

— Вы — настоящий мастер, — сказал бригадир. — Даже если и не знали с самого начала. А вы... — он посмотрел на бабушку... — не верили в него.

— Как это не верила? — сказала бабушка. — Всё время верила! Я только не говорила об этом вслух.

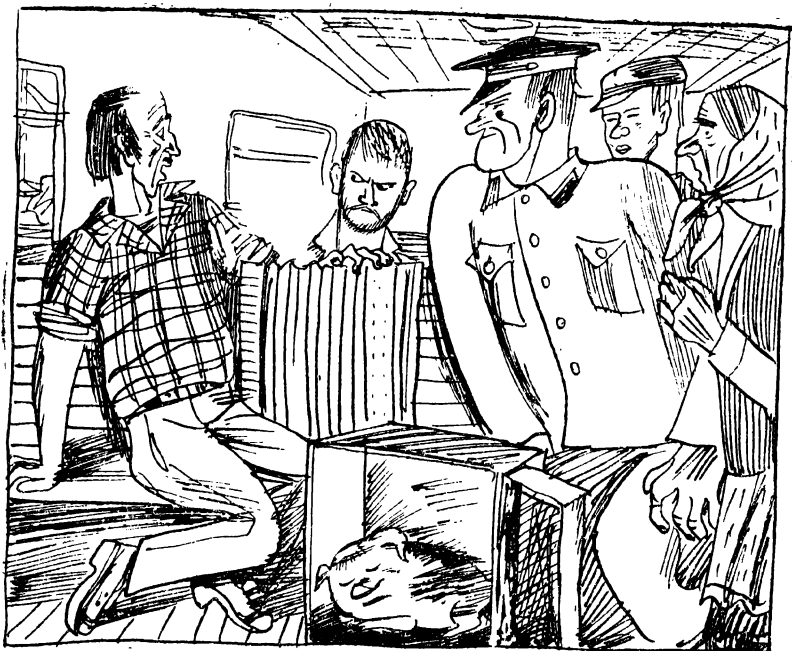
— Но зачем ты это сделал, Вова? — спросил папа и грустно посмотрел на своего сына.

— Он это сделал по двум причинам, — сказал Игорь Петрович и легонько взял Вову за руку. — Одна из причин: он испугался, что поросёночка ссадят, и решил его спрятать... Ведь так?

— Так, — вздохнул Вова.

— Значит, опять я виноват? Я всегда виноват, — сказал контролёр.

— А другая причина, — продолжал Игорь Петрович, — состоит в

том, что он хотел проверить: смогу ли я найти поросёнка... Ведь так?

— Так, — опять вздохнул Вова.

— Вы — мастер, вы — настоящий мастер, — снова сказал бригадир, — и я настаиваю, чтоб все присутствующие дослушали наконец историю, которую я хотел рассказать...

— Какую историю? — спросил Игорь Петрович.

— О том, как вы, много лет назад, получив в руки всего лишь обрывок газеты, смогли найти человека, которого не мог найти никто. Ведь было такое?

— Не было, — засмеялся Игорь Петрович.

Но ни бабушка, ни Вова, ни девушка, ни контролёр ему не поверили.

— А ещё, — сказал папа, — была другая история. О том, как Игорь Петрович нашёл преступника, совершенно никуда не выходя из кабинета.

— Как же это так? — спросила бабушка.

— Преступник сам к нему пришёл? — предположил Вова.

— Нет, — сказал папа. — Просто однажды Игорю Петровичу принесли

толстую папку и попросили внимательно прочитать её. Очень многие люди уже читали, но никто не мог сказать точно: кто же похитил со склада бочку огурцов?

— Солёных? — спросил баянист.

— Малосольных, — сказал папа.

— И Игорь Петрович прочитал и нашёл? — спросила девушка.

— Да, — сказал папа.

— Ну молодец! — похвалила бабушка.

Но Игорь Петрович опять засмеялся и сказал:

— Не было такого...

Но ему опять никто не поверил.

— А как же вы догадались, — спросила бабушка, — что это — Вова, а, скажем, не баянист или девушка...

— Очень просто, — сказал Игорь Петрович. — Я начертил план. Иначе говоря, восстановил в памяти, кто куда в вагоне пересаживался, кто подходил за время нашего пути к поросёночку...

— И что же оказалось?

— Подходил Вова. Он был последним, кто гладил поросёночка. И тогда я попросил Сашу... — Игорь Петрович второй рукой взял трактори-

ста за руку... — и Саша тоже составил план и у него тоже получилось: последним подходил Вова.

ИГОРЬ ПЕТРОВИЧ С НОВА НАДЕВАЕТ ПАЛЬТО

На последней станции все распрощались с бригадиром и контролёром, и бабушка пригласила всех к себе домой.

— Я сготовила квас, — сказала она, — и очень хочу, чтобы вы все его попробовали. Жаль, конечно, что не могут бригадир и контролёр, но я им завтра квас прямо к поезду вынесу...

И все пошли к бабушке.

Впереди, конечно, шли тракторист с девушкой и несли поросёнка. За ними, перекинув пальто через руку, шёл Игорь Петрович.

Рядом, держа очки двумя руками, Вова.

А замыкали колонну папа и баянист.

— Подумать только, какой мастер! — всё время говорил баянист. — Мне бы до такого никогда не додуматься!.. А вы куда едете? На дачу?

— На дачу, — ответил папа.

— А я еду в дом отдыха, — сказал баянист, — только не гулять, а работать. Потому что хорошо играть на баяне — это всё равно что работать... Приходите ко мне в гости. А вы куда едете? — спросил он девушку и тракториста.

— Мы-то? — сказала девушка и почему-то застеснялась.

— На свадьбу, — сказал тракторист.

— На чью свадьбу? — спросил Игорь Петрович.

— На свою.

— Тогда, — сказал Игорь Петро-

вич и совершенно неожиданно в руках у него оказался букет, — это от меня...

И он преподнёс его девушке.

— А это от меня, — сказал баянист и тут же сыграл вальс «Амурские волны». — Потому что ничего другого у меня нету.

— А это от нас, — сказал папа. И вместе с Вовой построил сложную акробатическую пирамиду.

— А я вам подарю бочонок кваса, — сказала бабушка.

— Спасибо, спасибо, — стесняясь, говорили тракторист и девушка, но они совершенно напрасно стеснялись, потому что свадьба — это каждому известно — тоже хорошая штука.

— А куда едет Игорь Петрович? — спросил Вова.

И вдруг все увидели, как Игорь Петрович снова надевает свои тёмные очки и своё строгое клетчатое пальто.

— Я еду, куда мне надо, — сказал Игорь Петрович.

— К нам в гости?! — догадался Вова.

— Угу, — снова превратившись в незнакомца, ответил Игорь Петрович.

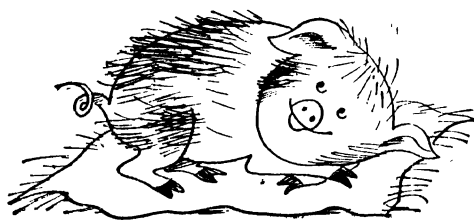
«Ура! — подумал Вова. — Теперь он целую неделю мне будет что-нибудь рассказывать!..»

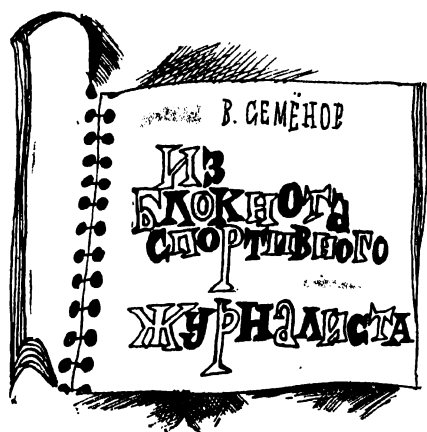
Но тут они вошли в дом и первым делом на специальную подстилочку положили поросёнка, а потом начали пить квас. Квас был в меру холодный и в меру кислый, в меру шипучий и в меру сладкий.

— Спасибо вам всем за поросёнка, — низко кланяясь, сказала бабушка. — Если не возражаете, то я его как-нибудь в честь вас назову. Например, Пропащий. Если, конечно, можно...

И Игорь Петрович за всех ответил:

— Угу.

Рисунки Ю. Шабанова

ОБРАТНЫЙ БИЛЕТ НЕ НУЖЕН

В большом доме редакции вечерней «Красной газеты», угол Невского и улицы Желябова, непрерывно звонил телефон. Заведующий спортивным отделом редакции Эдуард Александрович Пендер-Бугровский едва успевал отвечать на вопросы.

— Это не опечатка? Действительно состоится?

— Да, завтра.

— Слыханное ли дело, — ворчал голос в трубке.

— А вы приходите и не только услышите, но и увидите.

Поводом для беспокойства некоторых читателей было сообщение в газетах и журналах. Оно, хотя и было лаконичным, но взбудоражило петроградцев: «14 октября 1923 года. Слуцк — Петроград. Легкоатлетический пробег на приз «Красной газеты». Старт в 12 часов дня в Тярлеве, на поле слуцко-тырлевского кружка любителей спорта. Финиш в Петрограде, у редакции «Красной газеты». Запись на старте».

По тому времени это была диковинка. Пробеги на сверхдлинные дистанции тогда почти не проводились. Вот почему многие сомневались в успехе такого состязания, хотя было известно, что на дистан-

циях в несколько десятков километров и раньше пробовали свои силы лучшие бегуны России.

Но скептики были посрамлены. Первый тридцативёрстный пробег на приз «Красной газеты» состоялся в назначенный день, несмотря на то, что непрерывные дожди превратили дорогу в непролазную грязь. Трудно было бежать и по скользкой булыжной мостовой. Но двадцать отважных бегунов благополучно достигли финиша и дали путёвку в жизнь интересному соревнованию.

Пятеро из этой отважной двадцатки живут в нашем городе. Это — доцент Института инженеров железнодорожного транспорта Николай Михайлович Неугасов, заведующий кафедрой Института театра, музыки и кинематографии Иван Эдмундович Кох, бывший мастер «Красного треугольника» пенсионер Михаил Петрович Фомин, тренер общества «Спартак» Анатолий Николаевич Дмитриев и судья всесоюзной категории по лёгкой атлетике Оскар Юльевич Бушман.

— Когда поезд отошёл от Витебского вокзала, чтобы доставить нас к месту старта, — вспоминает Неугасов, — я с ужасом подумал: ведь обратно надо бежать бегом. Но ничего, выдержал.

— На дистанции очень захотелось есть, — добавил Дмитриев, — но питательных пунктов тогда не было. Помню, как нас выручил один пастух, которого мы встретили у Большого Кузьмина. Он дал мне краюху хлеба, и мы на ходу с аппетитом подкрепились.

На трассе пробега Кох встретил старика, который с удивлением рассматривал спортсменов.

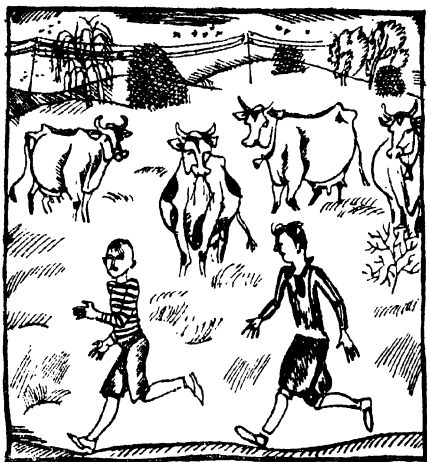
— Дедушка, — спросил его Кох, — далеко ли до Питера?

— А ты что, бежишь? — спросил его в свою очередь старик.

— Бегу.

— По своей воле или по принуждению?

Так было осенью 1923 года. А теперь почти полмиллиона ленинградцев выходят в день всесоюзного

пробега на приз газеты «Вечерний Ленинград» для того, чтобы пригласить сильных, закалённых и выносливых людей — участников традиционного ленинградского марафона.

КОМАНДЫ ЗНАМЕНИТЫХ ЛЮДЕЙ

Что вы скажете о сборной команде гимнастов в таком составе: Аристотель, Демосфен, Платон, Сократ, Кай Юлий Цезарь? А такая команда вполне могла быть, потому что все эти великие люди превосходно состязались на брусках и турнике. Выдающийся математик Пифагор прославился не только своими теоремами. По свидетельству современников, он был отличным боксёром. На древних Олимпиадах Пифагор, как правило, заканчивал бои нокаутом.

И в наши дни среди учёных много хороших спортсменов. Как-то раз я был свидетелем такого случая. В одном из спортивных залов Ленинградского университета проходило занятие начинающих альпинистов. С потолка свисал толстый длинный канат. Нужно было на руках подняться до самого верха и так же опуститься вниз. Тренер показал, как надо это делать, и спросил:

— Ну, кто попробует?

Желающих не оказалось. Не так-то просто было выполнить это упражнение.

В это время скрипнула дверь, и в зал вошёл коренастый, подтянутый, средних лет человек. Он шёпотом осведомился, о чём был разговор, поправил очки в тонкой золотой оправе и сказал:

— Разрешите мне!

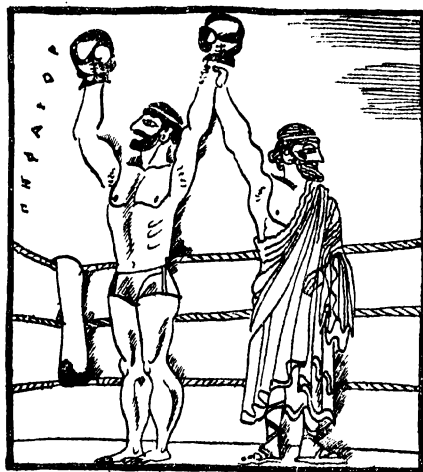
Незнакомец подошёл к канату, взял его в свои сильные и цепкие руки и в один миг оказался под потолком. Так же быстро он спустился на пол. Тут только все увидели на лацкане его пиджака значок мастера спорта. А тренер улыбнулся:

— Знакомьтесь, Александр Данилович Александров, профессор нашего университета, член-корреспондент Академии наук СССР и мастер спорта по альпинизму.

— Правильно, что выбрали альпинизм, — сказал Александров студентам. — Это одно из лучших средств проверки человеческих качеств — смелости, мужества, дружбы, отваги. Горы — это не только красота. Человек и мыслит в горах по-иному, как бы в другой плоскости. Помню, основную теорему своей докторской диссертации я доказал именно в горах.

Александр Данилович Александров не раз поднимался на самые недоступные вершины, и сейчас его, действительного члена Академии наук, можно часто видеть в альпинистских экспедициях.

Доктор физико-математических наук, профессор Политехнического института имени М. И. Калинина

Сергей Николаевич Койков увлекается бегом, да так, что ему могут позавидовать многие молодые спортсмены. В ряды бегунов его привели... болезни.

— Вёл исключительно сидячий образ жизни, — рассказывает он. — Столько стало всяких недугов, что мной заинтересовались врачи. Пропал сон, аппетит. Донимала одышка, появилась гипертония.

И вот он начал бегать, ежедневно, сначала на небольшие расстояния, а потом и на сверхдлинные дистанции. Как-то раз Сергей Николаевич бегом отправился в отпуск на юг. С собой ничего не взял, кроме денег и документов. Вещи везли в поезде его жена и дочь. Потом «сбежал» в гости к родным в город Киров, а Всесоюзный день физкультурника в 1970 году вместе со старшим преподавателем математики Электротехнического института имени В. И. Ульянова (Ленина) О. Лосем, шорником судоверфи ВЦСПС Н. Зеловым и техником междугородной телефонной станции А. Котовым он отметил пробегом Ленинград — Москва.

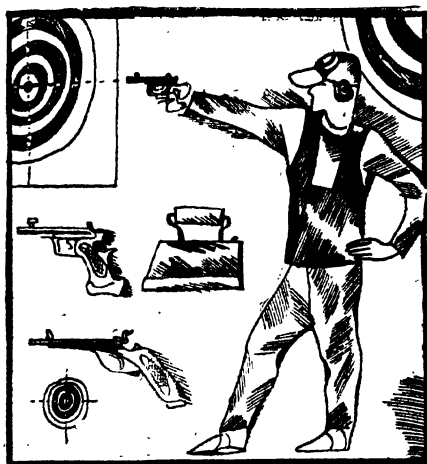
— Я считаю, — говорит Койков, — что сверхмарафон полезен, поскольку заставляет раскрыть силы, дремлющие в каждом здоровом человеке.

ЖЕЛЕЗНАЯ РУКА

Я прочитал вслух:

— «Тут он было вышел, но остановился в дверях, оглянулся на простреленную мною картину, выстрелил в неё, почти не целясь, и скрылся».

«Пуля в пулю» — так стрелял Сильвио, герой пушкинской повести «Выстрел». Пуля пролетела через небольшую пробойну в картине, оставленную другой пулей, не задев её краев. Казалось, картина прострелена была один раз. Да то ли делал Сильвио! Выстрелом он вдавливал в стенку мух, без промаха поражал карточный туз, «и если б он вызвался пулей сбить грушу с фуражки кого бы то ни было, никто

не усомнился подставить ему своей головы».

Ленинградский пограничник, заслуженный мастер спорта Александр Забелин улыбнулся. Его приветливые глаза весело заблестели:

— Мы стреляли не хуже. Вот посмотрите... — и он протянул мне толстую папку простреленных им мишеней. Я стал их листать. Мишени были разные. Но все они похожи одна на другую, на всех был один «почерк» стрелка.

— В «десятках» могло быть пробоин и больше, — пояснил Забелин, — но в некоторых случаях, как и у Сильвио, пули ложились одна в другую. Вот и приходилось судьям после каждого выстрела заклеивать поражённую мишень. А то можно запутаться.

— Вы волшебный стрелок, — сказал я, возвращая этот необыкновенный альбом.

— Ничего тут волшебного нет, — возразил Забелин, — всё дело в тренировке...

— Из мелкокалиберного пистолета, — продолжал спортсмен, — стрелять очень трудно: рука всё время на весу, чуть-чуть она качнётся — и пуля улетит в «молоко». Как добиться, чтобы рука стала «железной»? Я нашёл очень простой способ: на тренировках вместо лёгкого пистолета подолгу держал в вытянутой руке обыкновенный, но увесистый утюг. Тяжело в учении — легко в бою.

И большие спортивные бои скоро грянули. Рука не подвела, глаз — тоже. Александр стал чемпионом страны, призёром Олимпийских игр, чемпионом мира.

Вот как может помочь обыкновенный домашний уютюг.

ФУТБОЛЬНЫЙ ВОЛШЕБНИК

«Пека Дементьев был очень знаменит. Его и сейчас узнают на улице. Он долгое время слыл одним из самых ловких, самых смелых и искусных футболистов Советского Союза. Где бы ни играли — в Москве, в Ленинграде, в Киеве или в Турции, как только, бывало, выходит на зелёное поле сборная команда СССР, все сейчас же кричат:

— Вон он! Вон Дементьев!.. Курносый такой, с чубиком на лбу. Вон, самый маленький! Ах, молодец Пека!»

Так писал о знаменитом футболисте в рассказе «Пекины бутсы» Лев Абрамович Кассиль. Это действительно был удивительный футболист, настоящий волшебник кожаного мяча. Ему одному из первых в нашей стране было присвоено звание заслуженного мастера спорта.

— Много лет, — рассказывает Пётр Дементьев, — я играл в сборной Ленинграда вместе с прославленным центром нападения Михаилом Бутусовым. Я всегда старался после сложных манёвров и обводок соперников точно выдать пас Буту-

сову, как говорят футболисты, «выложить» мяч для завершающего знаменитого бутусовского удара. Мы понимали друг друга с первого взгляда и добились высокой точности.

И вот однажды летом 1934 года во встрече ленинградцев с одесситами Бутусов забил в одном матче пять «сухих» мячей. В повторном состязании защитники команды Одессы стали «опекать» Бутусова ещё строже. И тогда настал мой черёд. Оставшись более или менее свободным, я забил в ворота одесситов четыре «сухих» мяча. А команда Одессы в то время была одной из сильнейших в стране.

Один из мячей я забил головой в ворота знаменитого Николая Трусевича. Несколько метров я бежал, подбрасывая мяч головой вперёд и перехватывая его. Ко мне направился Трусевич. Я на ходу перебросил мяч головой через не ожидавшего такого трюка Трусевича, догнал мяч за спиной голкипера и на голове внёс его в ворота.

Петру Дементьеву принадлежит много рекордов в футболе. Например, он выступал за команды мастеров более двадцати лет. В 1937 году в одном матче между динамовцами и армейцами забил шесть мячей...

АДСКАЯ ГОНКА

Шоссе в этот день напоминало скорее не дорогу, а духовку, так было жарко. В тени термометр показывал 39 градусов, а на солнце были все 50. В таких тяжёлых условиях велосипедистам предстояло оспаривать золотую медаль на Римской олимпиаде. Соревнование проходило не час, не два, а более четырёх часов без перерыва. Дистанция — 175 километров. Трасса была кольцевая — 12,5 километра круг.

Когда был дан старт, мы увидели, что итальянские тренеры приготовили для своих питомцев приятный сюрприз: через два-три километра они поставили на дистанции помпы и поливали их из шлангов холодной водой. Лучшего в таких тяжелых

ПЕРВЫЙ И ПОСЛЕДНИЙ

условиях придумать было нельзя. Холодный душ придавал спортсменам силы и бодрость.

Наши тренеры могли предложить Виктору Капитонову и его друзьям по команде только душ из... ведра, да и то лишь на месте старта и финиша, когда спортсмен проходил целый круг. Но попробуйте на ходу облить из ведра гонщика, который мчится со скоростью 40—50 километров в час. Капитонов улыбался, когда смотрел, как тренер обливал водой заднее колесо его велосипеда, а до него самого долетали только брызги.

И всё же Капитонов отлично вёл гонку. Когда до финиша оставался ещё один круг, он ошибочно решил, что закончил состязание. В таких тяжёлых условиях вполне возможно перепутать круги. За Виктором шёл итальянец Л. Трапе. Он тоже остановился, решив, видимо, что если Капитонов стоит, то ему тоже пора вылезать из седла. Но все кричали:

— Ещё круг!

Трапе понял родную речь, понял, что произошла ошибка. И ушёл вперёд. Тут нажал на все педали, хотя у велосипеда их только две, и Капитонов. Когда до финиша оставалось 200—300 метров, Капитонов сделал большое усилие и обогнал итальянца. На дистанции в 175 километров он выиграл у него всего 10 сантиметров, но они принесли ему золотую олимпийскую награду.

До открытия XVII Олимпийских игр оставалось полчаса. Огромная чаша римского стадиона «Форо Италико» была уже заполнена до отказа. Все ждали появления первых колонн участников парада, которые скоро должны были выйти на оранжевую дорожку стадиона. В ожидании торжественного момента каждый занимался своим делом. Но вскоре взоры всех обратились на дорожку. На неё вышел человек, одетый в спортивную форму. Он взял старт и побежал.

— Инкогнито! — кричали ему с трибун.

Неизвестный бежал проворно, и между зрителями шёл спор: кто он? Как проник на спортивную арену, которую охраняли сотни полицейских?

— Это, наверное, какой-нибудь ветеран итальянского спорта, которому разрешили вот так, неофициально открыть игры, — говорили одни.

— Нет. Это, очевидно, рабочий стадиона ещё раз прѐбует состояние грунта дорожки перед началом состязаний, — возражали другие.

А третьи сидели и ждали, чем всё это кончится. Кончилось же, как и подобает в спорте, — финишем. Описав круг, неизвестный поравнялся с центральной ложей, «разорвал»

грудью импровизированную ленточку, потому что настоящей ему никто не приготовил, поднял руки, приветствуя зрителей. Те же в долгу не остались и стали ему аплодировать.

А дальше неизвестный просто направился на обычную трибуну и занял место среди обыкновенных зрителей.

Всем стало ясно, что Олимпийские игры, к которым весь мир так готовился в течение четырёх лет, неожиданно открыл неизвестный никому человек. Тут всполошилась полиция. Стали искать нарушителя олимпийского спокойствия. Но зрители так плотно сидели на своих местах, что сделать это было невозможно.

Потом мы узнали, что XVII Олимпийские игры «открыл» один римский делец, который накануне поспорил со своими приятелями, что пробежит круг по дорожке «Форо Италио». И это ему удалось.

Нечто подобное произошло в Токио, во время открытия XVIII Олимпиады. В торжественный и немного грустный момент, когда все участники игр и зрители не сводили глаз с угасающего пламени олимпийского огня, на беговой дорожке тоже появился неизвестный спортсмен. Это был негр, одетый в белую майку и трусы. К его груди был наскоро пришит спортивный номер «35». Размахивая руками и приветствуя зрителей, незваный гость пустился описывать круги по стадиону. Японские полицейские терпеливо ждали, думая, что, пробежав два-три круга, он покинет стадион. Но бегун не собирался этого делать. Он продолжал своё «соревнование», и ясно было, что выбрал спортсмен совсем не спринтерскую дистанцию. На его пути стали возникать «барьеры» полицейских, и его всё же уговорили покинуть стадион.

— Кто же это был? — спросили мы у спортивных судей.

— Бегун из одной молодой африканской страны, — ответили они. — Он впервые участвовал в играх, выступил неважно и решил привлечь внимание тем, что последним пробежит по дорожке стадиона.

ЧЕЛОВЕК, ВЕЛОСИПЕД И... ЛОШАДЬ

Известный бегун на длинные дистанции, заслуженный мастер спорта Феодосий Ванин приехал погостить в деревню к отцу. Тот как-то пошутил:

— Бегать ты горазд, а вот лошадь не обгонишь.

Через несколько дней отец и сын отправились на подводе в соседнюю деревню за 30 километров.

— Ты давай на лошади, а я на своих двоих, — сказал, улыбаясь, Феодосий отцу.

И как ни погонял отец лошадь, так и не мог он догнать сына.

Скорость бегунов на марафонских дистанциях — около 20 километров в час. А ведь с такой скоростью ездят на дорожных велосипедах, в трамваях и на некоторых других видах транспорта.

Вот что значит тренированный бегун.

ЛЕСНЫЕ КАРТИНКИ

Если ты не любишь лес,
не увидишь в нём чудес.
Если лес тебе как дом, —
чудеса увидишь в нём.

ВОЛК И ЗАЯЦ

Волк кричит:
— Косой, стой!
Побеседуем с тобой.
Я зачем зайчат ловлю?
Я погладить вас люблю!
— Знаю ваши сказки!
Проживу без ласки!

УМНАЯ ЛЯГУШКА

Уж, как лучшую подружку,
уговаривал лягушку:
— Заскочи к нам на чуть-чуть
и поквакай что-нибудь!
— Ква-ква-к вам я не хочу!
Ква-ква-к воде скачу!
Ква-ква-к вам заскочишь —
квакать не захочешь!

ДОГАДЛИВЫЙ МЕДВЕДЬ

Ветер дует — столб гудит,
а на столб медведь глядит:
«Видно, пчёлы там гудят —
за обедом мёд едят.
Надо мне туда залезть —
мёду свежего поест!»

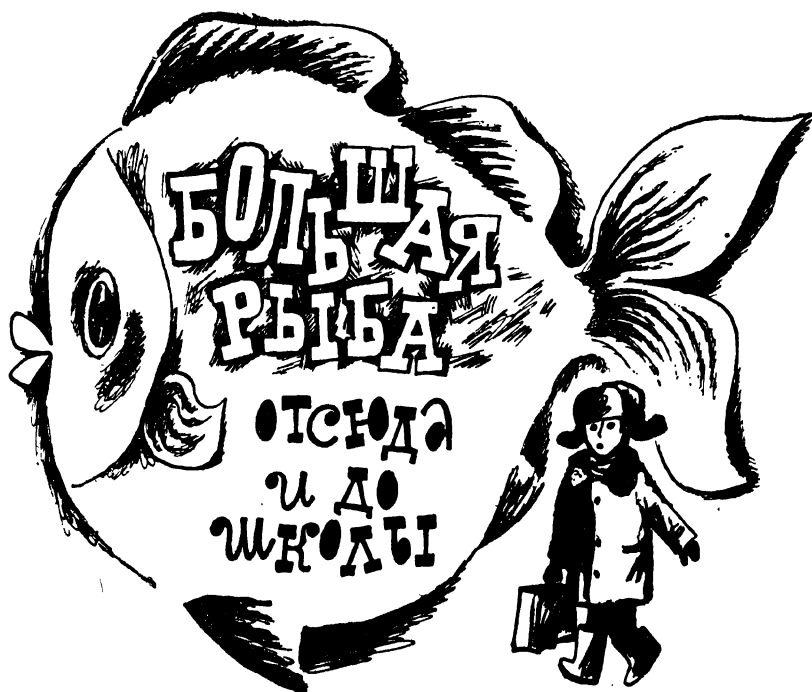

СКУЧНАЯ ПЕСНЯ

Птицы летом гнёзда вьют,
песни звонкие поют.
А кукушка лишь два звука
рассыпает по леску:
«Ску-ка, ску-ка, ску-ка!
на су-ку, су-ку, су-ку!»
Никого не узнаёт —
ни сынка, ни внука,
потому-то и поёт:
«Ску-ка, ску-ка, ску-ка!»

Рис. Г. Ясинского

— Вот такая мысль носится у меня в голове, — сказал мне Федька. — Носится и не даёт мне покоя. Я обязан поймать большую рыбу, длиной отсюда и до школы.

Мы шли домой после уроков, школа была с нами рядом, метров пять всего.

— Кому это ты обязан? — спросил я. — Кто же это велел тебе выудить такую большую рыбу?

— Никто не велел, — сказал Федька. — Я перед собой обязан. Это мой долг. Я должен поймать большую рыбу и накормить ею всю мою семью. Я хочу сделать им приятное.

— Почему бы не купить её в магазине? — спросил я.

— Я думал, ты умнее, — сказал Федька. — Поймать

своими руками! Чувствуешь? Я хочу сделать им приятное — папе, маме, маминую папе, папиной маме, дяде Косте из Баку, Димке, Наташе и годовалому Жорику.

— Лови, — сказал я. — Лови, пока не устанешь. Только где её ловить? Зима.

— Как где? — заволновался Федька. — Из-под льда ловить. Пробить лунку и ловить большую рыбу, чтобы сделать им приятное.

— Лови, — согласился я. — Лови, дело такое. Только не позабудь пробить большую лунку.

С тех пор началось: как звонок с урока — Федька летит домой, а когда я выходил из школы, он уже шёл мне навстречу с чемоданчиком в руке — там, наверное, лежали

снасти. Река от нашего дома была не близко. Он, я думаю, ездил туда на трамвае, и, когда я вечером выходил погулять во двор, а он возвращался, лицо у него было озабоченное, на меня он не смотрел и, по моему, думал, как его пустят с такой большой рыбой в трамвай, когда она попадётся.

Наконец я не выдержал.

— Как она поживает, твоя большая рыба? — спросил я.

— Зря ты так, — сказал Федька. — Она вскорости будет, я уже заметил одну — большая, что надо, своими глазами видел. Не жить ей в реке. Я уже так решил, сделаю им приятное, папе, маме...

Когда он похвастался, что видел её своими глазами, что-то дрогнуло во мне, и я заговорил.

— Послушай, — сказал я ласково, — нельзя ли так сделать, чтобы мы её вместе выловили? Выловим вместе, а домой возьмёшь её ты, раз уж ты всё это придумал.

— Ладно, — неожиданно согласился Федька. — Я бы мог и один её осилить, но если так, тогда ладно.

— Твоим, наверное, приятно будет, когда ты с ней домой явишься!

— Ещё бы, — сказал Федька, — они ох как возрадуются!

На следующий день мы сразу после уроков отправились на реку, к лунке. Простояли до темноты. Мы надевали на крючок и чёрный, и белый хлеб, и колбасу, и котлетку, но большая рыба так и не появилась.

С того дня и я забыл обо всём на свете, кроме этой рыбы.

Я даже видел её во сне два раза.

Так прошло дней десять.

Нам попадались маленькие рыбки, иногда даже не очень маленькие, но всех их Федька выбрасывал, говоря, что они никуда не годятся.

А большая рыба так и не появилась. Ни разу.

Тут и четверть кончилась в школе. Всем нам выдали табели с отметками.

И какой же страшный скандал был у меня и у Федьки дома! В наших табелях оказалось полно «троек». Ничего удивительного в этом не было — ведь из-за этой большой рыбы времени на уроки почти не оставалось. Дома мы говорили, что ходим друг к другу заниматься.

— Большая рыба, — сказал я Федьке, — зачем она нужна? Чего маленьких-то брать не хотел? Думаешь, твои бы не стали есть? Теперь «троек» полно. Тоже — сделали приятное.

— Эх ты, — сказал Федька. — Тысяча маленьких совсем не то, что одна большая... Эх ты!..

Я не стал с ним спорить. Но ловить его рыбу тоже ходить не стал. Он, по-моему, тоже

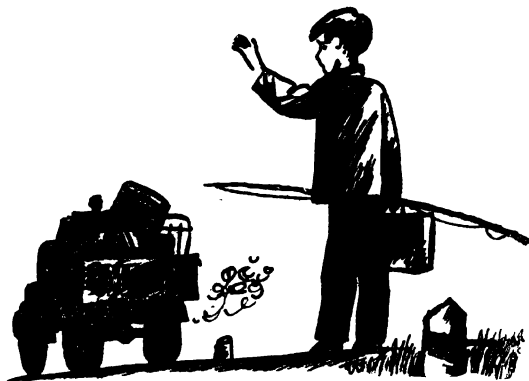
не ходил. Оба мы взялись за ум, учились как следует и последнюю четверть закончили очень хорошо.

Лето пришло. Вскоре за мной приехала машина, чтобы отвезти на дачу. Я и папа с мамой забрались на стулья и столы, которые были в кузове, шофёр завёл машину, я помаха́л рукой всем ребятам, и тут из ворот вышел Федька.

— Привет, Федька! — закричал я. — Всего тебе наилучшего. Куда направляешься?

— На речку, — сказал Федька, — за большой рыбой. Очень хочется сделать им приятное.

Машина тронулась и быстро помчала нас, и пока можно было, я всё время смотрел, как Федька машет и машет мне рукой от ворот нашего дома.

ИХ МНОГО — наших хороших пернатых друзей. Мы часто слышим их, видим в полёте и... всё-таки почти не знаем. Многие ли из вас смогут отличить иволгу от козодоя, стрижа от

жаворонка? А ведь это очень обидно: не знать друзей «в лицо».

Поэтому мы и попросили ленинградского натуралиста И. Н. Балбышева хоть чуточку познакомить вас с миром пернатых.

И. БАЛБЫШЕВ

ПТИЦЫ НАШИХ ЛЕСОВ

(К фотографиям на 3-й странице обложки),

Г р а ч

*И, кажется, весна сама в разведку
Послала птицу, и, пригнувши ветку,
Ей грач дорогу верную открыл.*

Инна Лиснянская

НЕ ВСЕ отличают грача. Как-то я спросил у ребят:

— Какие птицы кричат на деревьях?

— Вороны, — ответили они. И, конечно, спутали грача с вороной.

Вороны гнездятся в одиночку. Грачи — колониями. В одной колонии бывают сотни гнёзд, на одном дереве — до двух десятков. Излюбленное место грачей — берёзовая роща.

Грач — птица перелётная. «Ленинградские» грачи зимуют в северо-западной части Франции, а «московские» — южнее Парижа. Возвращаются они домой вдоль Балтийского моря, шумно и весело.

Грачи — хорошие санитары. На полях, лугах истребляют майских жуков, улиток, червей, куколок насекомых, мышей и полёвок. Дружно ликвидируют они очаги соснового шелкопряда, уничтожающего зелёный наряд елей и сосен. Кроме этого, грачи обезвреживают поля от личинок жука-щелкуна, который повреждает всходы ржи, клубни картофеля, корни моркови, сеянцы и саженцы в лесопитомниках.

Грачей надо защищать. Грачи милы сердцу каждого человека. В Третьяковской галерее есть картина А. К. Саврасова «Грачи прилетели». Художник изобразил тихую, светлую весну, и эту тишину нарушают голоса грачей, прилетевших в родные края. Грачи прилетели! Эта радостная весть быстро облетает сёла и города. Своими криками птицы приветствуют наступающую весну.

Лесной акробат

ОБРАТИТЕ внимание на небольшую серенькую птичку величиной чуть больше воробья. Она ловко спускается вниз головой по стволу дерева. Птичка отлично бегаёт и вокруг ствола. Сделает несколько «витков», а потом вспорхнёт и перелетит на другое дерево,

прицепится и крикнет громкое и отрывистое: «твитт», «твитт», «твитт». Перед нами поползень, первоклассный древолаз и настоящий акробат. Он превосходит в этом отношении даже дятла, который не может бегать по стволу вниз головой.

Эта подвижная, весёлая и неутомимая птичка летом питается насекомыми, а осенью и зимой, кроме них, ягодами, семенами клёна, липы, ест жёлуди, орехи, пшено, любит подсолнух и коноплю, заготавливает их впрок.

На кормушке он гоняет мелких птиц, хватая кусочки сала, булки, уносит и прячет в трещины и щели коры про запас. Синицы находят кладовые и используют запасы этого скопидома.

Ночует поползень в дупле дерева, а иногда в старом гнезде дятла. Наблюдались случаи, когда дятел выселял поползня из своей квартиры.

Ранней весной эта коренастая, короткохвостая, весёлая, подвижная птичка сидит высоко на дереве и издаёт мелодичный посвист «кью-кью-кью», с добавлением звучной трели. В середине весны поползень подыскивает место для гнезда. Он чаще использует старое гнездо дятла. Леток, продолблённый дятлом, велик для поползня, и через него могут незваные гости пожаловать. Поползень заделывает его глиной, смешанной со слюной. Большой враг теперь не залезет, а с мелким он и сам управится. Самка высиживает птенцов, а самец носит ей корм. В гнезде пять—семь белых с рыжими пятнами яиц. Гнездится один раз в году.

Осенью и зимой эта птичка нередко кочует в обществе синиц, пищух, королек и дятла, истребляя на деревьях огромное количество вредных насекомых.

Ушастая сова

У НЕЁ несколько имён: лесная сова, ушастый сыч, большой сыч. По окраске она напоминает филина, в оперении преобладает ржаво-жёлтый фон.

Живёт ушастая сова в лесах, иногда в глухих, встречается в садах и парках, в зарослях кустарников. Держится небольшими стаями.

Охотится она вечером и ночью, в основном за мелкими грызунами, нападает на спящих крупных птиц — галку, грача и ворону, атакует и кошек, но основной корм — мыши и полёвки. Ушастая сова — одна из полезнейших наших птиц.

Она очень любопытна. Вечером или лунной ночью подлетает к идущему человеку вплотную, бесшумно исчезает, а потом вновь появляется и снова скрывается среди деревьев, долго сопровождая запоздавшего пешехода. Она непуглива, подпускает человека на близкое расстояние, неохотно слетает с дерева — приходится её стряхивать.

Если сова заинтересуется чем-нибудь, то она нагибается вперёд или вытягивается вверх, делаясь длинной и тонкой. Всё это делается с серьёзным видом, невольно вызываящим улыбку.

Голос у неё неприятный. Сигналом об опасности — «вау» — самец предупреждает самку, а во время весенних игр слышится «уй, уй» и хлопанье крыльев.

Гнездятся совы чаще всего в дуплах, на высоком пне, в старых или отвоёванных гнёздах у ворон, грачей и сорок, а иногда и на земле, откладывая яйца в гнездо без подстилки, прямо на почву.

Л е б е д ь

НЕДАЛЕКО от берега Торошинского озера, что лежит у нас в Лужском районе, плавала в начале июня крупная белоснежная птица. Она беспокойно оглядывалась по сторонам и иногда тоскливо кричала. Это был лебедь-кликун.

Почему птица осталась одна и жила открыто на озере у самого посёлка, расположенного рядом? Оказалось, что лебедь тяжело ранен. У него перебита нога и на подхвостье, когда он выходил из воды, было видно большое кровавое пятно. Очевидно, во время весеннего перелёта браконьер выбил эту гордую и сильную птицу из стаи.

По своей величине, осанке лебедь является сказочной птицей. К тому же красавец весьма силен. Ударом крыла, как писал большой знаток и любитель природы писатель С. Т. Аксаков, он переломил руку охотника и таким же ударом убил собаку.

Лебеди живут парами. Соединяясь на всю жизнь, они любят друг друга и своих птенцов. Сколько сказок, песен сложено о них, сколько названий дано в их честь селениям!

Птицы прилетают к нам рано: едва лишь вскрываются реки.

Пара гнездится в прибрежных зарослях глухих озёр. Гнездо строит самка из веток, тростника, выстилая внутри мхом, мягкой травой и пухом, выщипанным у себя на груди и животе. Яйца крупные, бледно-жёлтые, до шести штук. Самец сторожит гнездо и предупреждает подругу об опасности. Она незаметно сходит с гнезда, маскирует его травой, и оба улетают.

На одном из озёр гнездилась пара лебедей. Они вывели и вырастили птенцов. Осень приближалась. Холоднее становились ночи. Лебединые стаи улетали на юг. К ним присоединилась семья, а потом две птицы отделились и вернулись на озеро. Лебедь остался с лебедкой. А когда пришла зима с морозами, метелями, колючими ветрами, птицы замёрзли. И тогда у мёртвой лебедки обнаружили нарост на крыле, очевидно, кость была перебита. Это помешало отправиться в дальний путь. А здоровый лебедь остался с подругой и погиб вместе с нею.

Лебеди украшают нашу природу. Охота на них строго запрещена. Любители природы берегут и охраняют эту прекрасную, царственную птицу.

Лесной барабанщик

МНОГО знаменитых пернатых певцов живёт в наших лесах. Есть среди птиц и музыканты, Лучший среди них — большой пёстрый дятел.

Зимой он залетает в посёлки и садится прямо на подоконники. В птичьих столовых он постоянный посетитель: завтракает булкой, обрезками сыра, ловко подвешивается к кусочку сала на ниточке и вместе с ним болтается в воздухе.

Узнать пёстрого дятла нетрудно: спина у него чёрная, на крыльях белые пятна и плечи белые. На голове красная шапочка, сдвинутая на затылок. Подхвостье красное.

Есть у дятла своя «кузница», или станок, на котором раздалбливает шишки ели и сосны, добывая семена. У кузницы всегда лежит куча разбитых шишек.

Дятел — полезная птица: он уничтожает огромное количество лесных насекомых. Но он большой любитель муравьёв и муравьиных яиц.

В весеннем и нередко осеннем лесу далеко слышится его барабанная дробь. Дятлы не поют, но ловко играют на своих «музыкальных инструментах». Дятел барабанит по сухой ветке, по металлической крышке уличного фонаря. С большой быстротой и силой он наносит удары, и дробь его разносится на далёкое расстояние.

Учёные долго думали, каким путём дятлы достигают такой удивительной частоты ударов. Оказывается, птицы не стучат так уж часто. Они просто подбирают «специальный барабан», наносят сильный удар и замирают неподвижно, а ветки или зубец вибрируют или ударяют об его клюв, чем и вызывают частую дробь. Об этом говорит и самый ритм музыки — после каждого раската дробы следует пауза. На «музыку» прилетает подруга. Дятел для неё даёт концерты, а если залетит другой самец, тогда — бой.

Дрозд — птица лесная

У ПЕВЧЕГО дрозда чистый сильный голос. Он поёт и точно выговаривает: «Ни-ки-та, Ни-ки-та, чай-пить, чай-пить... выпьем, выпьем... Ну-ка, кто скорей, ну-ка, кто скорей». Это великолепный певец. Может поспорить даже с соловьём.

У дрозда-рябинника программа концерта другая. Сидя на ветке у вершины ели, издаёт громкие флейтовые свисты: «Фи-фи, фи-фи». Песня у него скромная, и только ранней весной, когда у нас мало пернатых певцов, слушаешь её с удовольствием.

Дрозды подвижные, ловкие, умные птицы, но очень беспокойные. По земле передвигаются прыжками. Если кто плохо танцует, то о нём говорят: «Скачет, словно дрозд». Гнездятся нередко колониями. Многие из них обмазывают гнёзда изнутри глиной, точно штукатурки.

Дрозды осторожны и смелы. Пара дроздов нападает на серую ворону и гонит её прочь от гнезда, и даже один дрозд налетает на эту хищницу.

В парке города Пушкина ребята нашли гнездо дрозда с голубыми яйцами и хотели его унести. Родители-дрозды, а потом прилетевшие по сигналу опасности соседи налетели на браконьеров, пикировали в лицо, поливали помётом и обратили их в бегство.

МОРЕ В... ПУСТЫНЕ

Специалисты разрабатывают проект, которым предусматривается создать море в... Сахаре. Авторы проекта предлагают прорыть 46-километровый канал, по которому воды Средиземного моря устремятся в пустыню и образуют гигантский водоём.

БЫЛА ЛИ ЯПОНИЯ ЧАСТЬЮ МАТЕРИКА?

Возле деревни Тюруй (район Токай) на острове Хоккайдо японскими учёными - палеонтологами найдены окаменелые остатки слона, обитавшего в этом районе Японии 30—100 тысяч лет назад. Изучение места происхождения древних животных, путей их передвижения, образа жизни и питания позволит ответить на вопросы о связи Японии с материком, о природных и климатических условиях того времени.

Искусственное море будет использовано для орошения земель Алжира, Туниса и Ливии. На его берегах проектируется строительство портов и гидроэлектростанций.

Предполагаемая стоимость работ — около 20 миллиардов долларов.

ЛАСТОЧКИНО ГНЕЗДО В... КОМНАТЕ

Случилось это у чабана совхоза «Джурунский» (Казахская ССР). Когда он вернулся домой с отарой из степи, глазам не поверил. В одной из комнат на стене увидел... аккуратно свитое ласточкино гнездо. Хотел чабан вытряхнуть гнездо из дома в форточку, но раздумал. «Ладно, живите, коль понравилось». Однажды услышал он в доме писк птенцов. Всё лето напевали ласточки свои песни, а потом улетели в тёплые края.

СКРИПКА ИЗ... СПИЧЕК!

Техник В. Олива из города Млада-Болеслав (Чехословакия) в свободное от работы время любит мастерить поделки из дерева. И не просто из дерева, а из... спичек! Из них он делает поистине удивительные вещи. Самым замечательным его произведением считается скрипка, сделанная из шести тысяч спичек. На этой скрипке можно играть. Более того, специалисты утверждают, что у неё неплохое звучание.

На домашних концертах Олива исполняет на своей спичечной скрипке серьёзные музыкальные произведения.

4000 ЗНАЧКОВ

собрал педагог
Бронис Яуниш-
кис, член кружка
любителей
коллекционировать
Вильнюсского до-

ма учителя.
Значки посвяще-
ны знаменатель-
ным датам, собы-
тиям, людям.

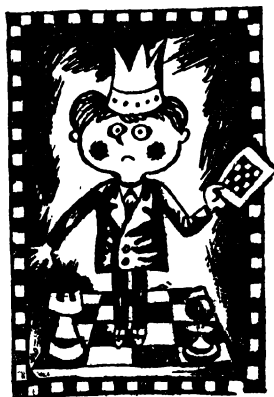
...есть книга, которая весит четверть тонны? Это красочный атлас, изготовленный в 1665 году голландскими картографами. Он превышает в длину 2 метра и в ширину 1 метр 70 сантиметров. Атлас является жемчужиной Государственной библиотеки ГДР.

...кладбище окаменевших крокодилов открыли геологи в угольных шахтах Инты (Номи АССР)? Кладбище имеет форму огромной тарелки, уголь вокруг которой аккуратно вырублен горняками. Этот удивительный заполярный «зоопарк» стал своеобразным филиалом местного краеведческого музея.

...в средней школе деревни Штребен округа Магдебург (ГДР) в учебную программу включён новый предмет — шахматы? Ученики 5—8-х классов изучают теорию шахматной игры, на уроках проводятся сеансы одновременной игры. Уже в течение многих лет Штребен пользуется славой «шахматной» деревни. Её жители являются большими поклонниками этой увлекательной и полезной игры. Даже местный сельскохозяйственный кооператив называется «Шахматы».

...уникальный рисунок, изображающий охотника, спешащего к своей добыче — утке, найден во время раскопок древнего поселения на берегу озера Литвин около села Юровичи Гомельской области? Рисунок сделан на глиняном горшке. Подобная находка — третья в нашей стране. Рисунок относится к периоду зарождения патриархата, то есть ему около 4500 лет. Редчайший экспонат древнего изобразительного искусства передан в Государственный исторический музей БССР.

...деревом — комбинатом называют в Грузии грецкий орех? И не только за питательность его плодов. Все части дерева используются в народном хозяйстве. Ореховая древесина прекрасна для изготовления мебели; ореховым маслом пользуются кондитеры, парфюмеры, художники; богатая танином зелёная оболочка плода — хороший дубитель кожи; а жмых, остающийся после переработки ядра, идёт на корм скоту. Ореховая скорлупа — и та находит применение. Из неё изготавливают шлифовальные и точильные камни.

...ежедневно около четверти миллиона ленинградцев посещают кино? В нашем городе насчитывается более 80 кинотеатров, вмещающих одновременно около 60 тысяч зрителей. Одна из крупнейших в стране киностудия «Ленфильм» за полвека выпустила 581 художественный фильм, многие из которых вошли в золотой фонд мирового кино.

...необычные состязания состоялись в Калифорнии (США)? Их участниками стали юные мотогонщики в возрасте от 4 до 12 лет! Юные спортсмены стартовали на мотоциклах с моторами мощностью от двух до пяти лошадиных сил.

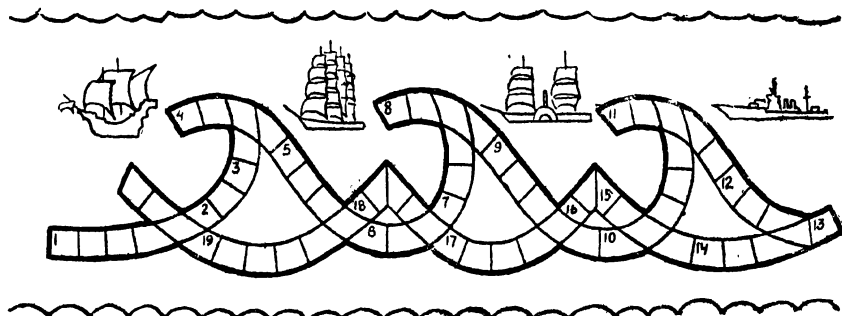
...у нас в стране работают 50 стационарных, 14 передвижных цирков и 50 коллективов «Цирк на сцене»? За год советские цирки посещают до 39 миллионов зрителей. Более 2 тысяч артистов цирка странствуют по стране. Чтобы перевезти их с ассистентами, а также «зоопарк», состоящий из 5200 дрессированных животных, ежегодно требуется 60 пассажирских поездов, 3600 вагонов, 780 железнодорожных платформ и 600 автомашин с прицепами. Передвижные цирки обслуживают каждый год около 100 городов.

1. Маленькое трёхмачтовое судно с полным прямым вооружением в парусном военном флоте. 2. Верхняя оконечность вертикального рангоута — мачт, стеньг. 3. Морской разбойник. 4. Заострённый выступ на носу судна или выдающаяся вперед подводная часть форштевня для нанесения вражеским судам ударов. 5. Всякое касание любой частью рангоута или корпуса до любой части другого судна. 6. Железный прут или туго натянутый, закреплённый с обоих концов, трос. 7. Большое соревнование парусных или гребных судов. 8. Стремительное нападение на противника. 9. Крейсер революции. 10. Район порта, его передовая часть, вынесенная на большие глубины. 11. Воображаемый круг на поверхности земного шара, отстоящий на 23 градуса 27 минут

от экватора. 12. Небольшое судно для коротких рейсов. 13. Уступ на днище глассера. 14. Знаменитый русский эскадренный миноносец — лучший из кораблей этого класса в годы первой мировой войны. 15. Повар на судне. 16. Мореходный инструмент, определяющий страны света. 17. Рыболовное судно. 18. Совокупность опорных элементов для парусного вооружения. 19. Парусиновый навес над палубой.

Р Е Б У С

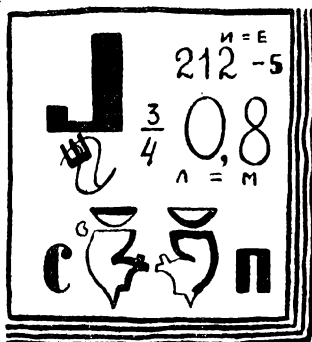

Разгадав ребус, вы прочтёте морскую поговорку.

СЛАВНЫЕ СТРАНИЦЫ

Разгадав три маленьких ребуса, вы прочтёте три слова, напоминающих о славных страницах истории русского военно-морского флота.

А почему у ребусов рамка из трёх светлых полосок, как вы думаете?..

Проверь себя

(Ответы к «Искорне» № 6)

КРОССВОРД

По горизонтали. 3. Риф. 5. Си- рена. 6. Ямб. 8. Антон. 10. Норка. 11. Эра. 13. Ремонт. 14. Отс.

По вертикали. 1. Пионер. 2. Бе- тон. 3. Рая. 4. Феб. 7. Мякина. 9. Норма. 11. Эхо. 12. «Арс».

ПЛЕТЁНКА

По горизонтали: глина, песок, тальк, кварц, гнейс. По вертикали: аспид, слюда, пемза, уголь, пирит.

ЗНАЧКИ-ПОДСКАЗКИ

Буратино.

МАЛЕНЬКИЙ РЕБУС

Подсказка.

Содержание

Песенка о песенке. Стихотворение Мих. Садовского . . .	1
Много лет спустя. Очерк Л. Подвойского	2
Годы и дела пионерские . . .	11
Корреспондент Гера Крошечкин. Рассказ В. Голявкина . .	12
Лесной ручей. Кошка. Пчела. Стихи Ник. Чехова . . .	15
Юлька-Заморыш. Повесть Бориса Раевского	16
Приговор. Мистер Грэй. Мастер. Стихи А. Шibaева . . .	34
Необычное происшествие в дачном поезде. Рассказ Я. Друголенского	36
Из блокнота спортивного журналиста. Очерк В. Семёнова.	47
Лесные картинки. Стихи В. Фетисова	53
Большая рыба отсюда и до школы. Рассказ Сергея Вольфа	54
Птицы наших лесов. Статья И. Балбышева	57
Пёстрые заметки	61
Клуб смекалистых ребят . .	63

На 1-й странице обложки рисунок художника В. Адаева «Море зовёт».

На 2-й странице обложки фоторепортаж Г. Сафонова «Годы и дела пионерские».

На 3-й странице обложки фотографии: «Птицы наших лесов».

На 4-й странице обложки картинка-загадка художника Г. Моисеевой.

Редактор В. Л. БИАНКИ

РЕДКОЛЛЕГИЯ: Н. А. Внуков, И. Л. Дворкин, К. И. Курбатов, В. Н. Суслов (редактор-составитель)

Адрес редакции: Ленинград, 191023, Фонтанка, 59, комн. 444. Телефон 12-87-55

Сдано в набор 13/V 1971 г. Подписано к печати 1/VII 1971 г. 4 п. л. М-10593. Зак. № 203. Формат бумаги 70×108¹/₁₆. Цена 10 коп. Тираж 75 000 экз.

Ордена Трудового Красного Знамени типография им. Володарского Лениздата Ленинград, Фонтанка, 57

▲ поползень ▼ ушастая сова ▲ лебедь-шипун

▼ большой пёстрый дятел ▼ грач ▲ певчий дрозд

Цена 10 коп.

Два братца пошли в воду купаться. Не часы, а время сказывает.
Хвостик из кости, а на спине щетинка. Зубасты, а не кусаются.
Ног, две головы, а хвост один.

В ермине баня, в носу решето, на голове пуговица, одна рука - и та на спине. Сам худ, а голова спуг.
Шесть белая - потому что зеленая. Это черная? - Нет, это красная. - А почему она белая? - Потому что зеленая.

В лес идет - домой глядит, домой идет - в лес глядит. Стоит старичок, красный колпачок. Ходит взад и вперед, никогда не устаёт. Сестра к брату в гости идет, а он от нее прячется.

Сам верхом, а ноги за ушами. На всех зла, а всем мила.
Никто не пугает, а вся дрожит. Ела дуб, а поломала зуб.
Идет силач добывать калач. Кто над нами вверх ногами?
Сожмешь - клин, а разожмешь - блин. Языка нет, а правду скажет.

Какая отгадка к какой загадке?